

Андрей Левицкий

[САГА СМЕРТИ]
ПЕТЛЯ АНТИМИРА

Апокалипсис-СТ

Андрей Левицкий

Сага смерти. Петля Антимира

«Автор»

2015

Левицкий А. Ю.

Сага смерти. Петля Антимира / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2015 — (Апокалипсис-СТ)

Люди? Здесь живут собиратели артефактов, скупщики, бандиты, честные бродяги и беглые преступники, мародеры, охотники и убийцы. Звери? Только существа, мутировавшие под аномальным излучением, остались в этих местах. Закон? Порядок? Контроль? Нет, не слышали! Анархия и суеверия, а еще три брата, Нож, Кулак и Пистолет, хозяйничают здесь. Наука? Физика, биология, химия? Их сменили аномальные законы Территории Отчуждения, по которой прокатываются кипящие цунами Выбросов... Где-то под багровым небом Зоны, среди дремучих лесов, заболоченных озер, сталкерских лагерей, между базами враждующих группировок и полями аномалий скрывается ОН. Таинственный и удивительный БЛУЖДАЮЩИЙ ГОРОД. Тени исчезнувших горожан живут на его стенах, эхо призрачных голосов разносится над пустыми улицами, и временами странный тихий смех звучит в темных подъездах его домов. Город – это КЛЮЧ. Место, где всё началось. Считается, что попасть туда невозможно. Но так ли это? Что, если трое отчаянных бродяг попытаются разорвать петлю Антимира, наброшенную на горло Зоны, и проникнуть в Блуждающий город? И там открыть самую последнюю, самую важную тайну Территории Отчуждения?

© Левицкий А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Глава шестая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Левицкий

Петля Антимира

Глава первая

Периметр. Комплекс. Рядовой

Его называли Пригоршня, он был охранником и сейчас ничком лежал на полу длинного коридора. Сердце его бешено колотилось, а в голове чужие голоса шептали что-то мрачное, угрожающее. Из носа текла кровь.

Он приподнялся на рифленых железных плитах и скрипнул зубами от тягучей боли в затылке. Стер с лица кровь рукавом форменной рубашки, встал на колени. Мигала лампа резервного освещения, в ее свете коридор с низким потолком напоминал пульсирующую вспышками трубу, ведущую в ад. Неподалеку лежал человек в такой же, как у Пригоршни, униформе цвета хаки. Витя, черт, это же Витька! Что с ним? Красные глаза уставились в потолок, под головой растекалась лужа крови...

Пригоршня попытался встать, но не смог – упал на четвереньки.

– Витек! – сипло позвал он.

Это что, нападение? Но кто напал? Дрожащей рукой он вытащил из кобуры пистолет и сел под стеной. Повел стволом в одну сторону, в другую. Если нападение, должен быть шум, суета, хоть что-то, но в коридоре пусто и тихо. Он закашлялся и сплюнул кровью. Ошарашено поглядел на красный плевок на полу, перевел взгляд на неподвижного Витьку и снова окликнул:

– Да ответь же!

Сильно мутило, но память постепенно возвращалась – наплывами, медленно. Где он? Какой-то военный объект... объект... КЗ-1, точно, Комплекс Заграждения № 1. Пригоршня здесь охранник... но почему? Ведь он пехотинец, у него две, нет, три боевых операции и медаль за отвагу. А, ну конечно! *Тот случай*. Отправили сюда, как в ссылку. Пошел четвертый месяц его службы в КЗ, сейчас обычное дежурство. Он в коридоре на верхнем, втором этаже южного крыла. Того самого, что выходит в Зону. Нормальное дежурство, никаких проблем. Ладно, с этим разобрались, но есть вопрос: КАКОГО ЧЕРТА ТУТ ТВОРИТСЯ?!

– Эй! – позвал он хрипло. – Кто-нибудь, ответьте!

Вернув пистолет в кобуру, Пригоршня на четвереньках подобрался к другу и заглянул ему в лицо. Сосуды в глазах у Вити полопались так, что и смотреть было страшно. Кровь текла из носа, из ушей... то есть уже не текла – застыла красными дорожками.

– Витя, – растерянно пробормотал Пригоршня. – Но как же...

Отодвинувшись от мертвеца, он снова оглядел коридор, служивший границей между северным и южным крылом здания. В одной стене поблескивали металлом двери, ведущие в помещения южного крыла и на лестницу, другая стена была глухой, только в дальнем конце виднелся вход в тамбур – единственный путь в северное крыло.

Что с остальными людьми в Комплексе? Облизав сухие губы, Пригоршня выпрямился. Плоская аварийная лампа горела прямо над головой, свет был тусклый, мертвенный. По углам коридора залегли тени.

– Как в море, – прохрипел он, привалившись к стене, чтоб не упасть.

На всякий случай вытащив из кобуры Вити второй пистолет, Пригоршня снял его с предохранителя. Пальцы слушались плохо.

– Ответьте хоть кто-то! Эй! – проорал он, стараясь подавить панику. Этого не может быть, просто не может быть! Казалось, буквально минуту назад, он привычно прохаживался

по коридору, как вдруг – лежит, кровь течет из носа, Витя мертв, аварийка мигает... Это какой-то гребаный апокалипсис!

Когда Пригоршня шагнул к ближайшей двери, голова закружилась сильнее. Сглотнув несколько раз, он толкнул дверь, вошел в столовую. Небольшой зал со столами и стульями пустовал – ужин закончился. Времени-то сколько? Глянул на свои часы: на циферблате четыре восьмерки вместо цифр. Как это, почему часы встали? Пригоршня похлопал по ним ладонью. Это ж армейские, с дополнительной защитой и «вечной» батареей. Они десять лет должны проработать, так зампотыл Шульц говорил, когда выдавал их вместе с обмундировкой при зачислении на службу в КЗ. Пригоршня мотнул головой, отчего затылок пробила тупая боль, пересек зал и распахнул дверь кухни.

Там на полу лежал мертвый повар, а на электроплите подгорала куриная тушка на сковороде. Пригоршня передвинул сковородку, выключил плиту и склонился над поваром. Кровь из носа и ушей, красные глаза... В полутьме кухни они казались черными. Отвинтив кран, Пригоршня стал жадно хватать губами тепловатую воду. Потом еще раз осмотрел тело.

– Я не понимаю, – пробормотал он. – Ни черта не понимаю! Надо разобраться!

Он уперся пятерней в лоб, зажмурился. Как все было? Вечерняя смена началась в шесть: Витя на лестнице, Пригоршня в коридоре, раз в тридцать минут они менялись, по ходу заглядывали в двери жилых блоков и столовки. Все эти дежурства внутри охраняемого здания были полным идиотизмом, к тому же идиотизмом скучным, но инструкция распорядка несения внутренней караульной службы нерушима, как скала...

Дежурство продлилось часа два, а потом всё смутно: гул, дрожь – мелкая такая сволочная дрожь, от нее заныли зубы и заложило уши... вроде бы кто-то закричал... и все. Хотя нет, был еще сильный удар вверху, от которого содрогнулся пол. Последнее, что он помнил – толчок и глухой грохот, все смазалось и расплылось, и наступила темнота.

То есть сейчас около восьми вечера, может, половина девятого. Точно неизвестно, сколько он провалялся в коридоре, но вряд ли долго. Витя, вон, еще теплый, и курица не совсем сгорела...

Окон на кухне не было, но Пригоршня знал, что снаружи вдоль стены, за которой начинается Зона, тянется открытая галерея, где стоят три автоматических «психа». В помещениях южного крыла вообще нет окон, из-за этого ему здесь не нравилось, все четыре месяца службы постоянно хотелось сбежать и не возвращаться.

Руки еще дрожали, но слабость почти прошла. Бегом вернувшись в коридор, он толкнул соседнюю дверь, выставил перед собой пистолет и шагнул внутрь длинной комнаты.

В жилом помещении для рядового состава стояло шесть коек, и три были заняты неподвижными телами. На полу лежал мордатый техник из депо снизу. Пригоршня быстро осмотрел тела. Все мертвы, у всех кровь из ушей, а у одного глаза лопнули. Лопнули! Он на всякое нагляделся, но тут едва подавил рвоту. Сглатывая кислотину в горле, вывалился обратно в коридор, потряс головой, сплюнул несколько раз и стал проверять другие комнаты.

Планировка здания была простой: прямоугольник делился на две части поперечным коридором. Точно над ним по крыше шел ряд защитных экранов. От более длинных боковых стен Комплекса в две стороны отходила извилистая стена Периметра. Поверху стены тоже шли экраны. Пригоршня иногда гадал, во сколько чертовых миллиардов долларов обошлась этакая громадина, да еще и с дорогостоящим защитным оборудованием.

Короткое южное крыло Комплекса выступало на территорию Зоны, а отделенное коридором более длинное северное крыло находилось за ее границей. Коридор был как бы частью Периметра, проходящей через здание, и в северное крыло из него вел защищенный тамбур.

В той части здания, где находился Пригоршня, было несколько помещений: спальни рядового и офицерского состава, хозблок, оружейка, столовая, комната отдыха. Вообще-то двери запирались общей электронной системой с магнитными замками, но сейчас она отклю-

чилась: все комнаты, кроме оружейной, снабженной дополнительным спецзамком, и кабинета зампотыла оказались раскрытыми. В комнате отдыха между бильярдным столом и вечно неработающим беговым тренажером Пригоршня обнаружил двух мертвецов, в офицерской спальне – еще двух.

В конце коридора он остановился, размышляя.

Всех срубило в один момент, симптомы одинаковые, причина одна и та же... Вдруг он понял, что это за причина. Понял! И тихо застонал, осознав, что, возможно, он единственный, кто еще жив во всем Комплексе.

Но как же так?! Ведь выбросы почти не доходят до Периметра, то есть доходят в виде остаточных волн, которые исправно гасятся экранами! Значит, в этот раз случился особо мощный выброс? Почему тогда он жив?

Пригоршня потер лоб. Потому что башка у него крепкая. Чугунная башка, твердолобая, такой орехи колоть, а не думать.

С другой стороны, есть ведь еще северное крыло, которое в два раза больше южного, людей в нем прорва, там лаборатория, армейский склад, даже подземный тир, и еще вольеры с отловленными в Зоне существами, которых изучают ученые...

Вот только туда не попасть. В этом Пригоршня убедился очень быстро.

Тамбур перекрыла металлическая плита, отливающая изумрудным. Скорее всего, она автоматически упала из ниши в потолке после того, как под выбросом отключилась основная энергосистема и сработала аварийная.

Уяснив, что этот путь в северное крыло отрезан, он бросился к лестнице. Вниз и вверх уходили длинные пролеты, один – на крышу, другой – в депо. Встав на середине бетонного квадрата, Пригоршня задрал голову, разглядывая пролом в просевшем потолке. Плита лопнула, из трещин торчала арматура, верхний лестничный пролет накренился, а перила погнулись.

В проломе виднелось большое черное колесо на стойке, крепившейся к бронированному днищу летающей машины, что свалилась на крышу. Пригоршня сощурился. Похоже на упавшую вертушку, но слишком уж здоровая...

«Бегемот», понял он. На таком летает генерал Цивик из Совета Безопасности ООН. Несколько часов назад Цивик прибыл в КЗ из-за намеченной на сегодня экспедиции в Зону. Пригоршня очень хорошо представил себе, как все произошло: конвертоплан уже взлетел с крыши, когда ударил выброс, и электронику машины не спасла даже усиленная защита. Судя по пролому и расположению шасси, «Бегемот» набрал высоту и развернулся носом на северо-восток, но свалился обратно. Вряд ли внутри кто-то выжил.

Он поднялся на несколько ступенек, но дальше лезть не стал: опасно, вдруг весь пролет обвалится? Ясно уже, что на крышу теперь никак. Бронированное дно «Бегемота» – непреодолимое препятствие.

Паршивая ситуация. Надежда еще теплилась, но сбежав на пролет ниже, он с ней попрощался. Дверь, ведущая в депо, которое занимало почти весь нижний этаж, была заперта дополнительным замком. Безуспешно подергав ее, Пригоршня разъярился и засадил в дверь кулаком. Плюнул с досады и стал посасывать ноющие костяшки.

Сколько людей осталось внизу? По штатному расписанию, дежурство в депо несут двое. Еще пара механиков с утра копалась в сменном двигателе электропоезда. Днем состав из одного бронированного вагона и электровоза отправился по уходящей в Зону ветке, в нем уехала экспедиция профессора Кауфмана под охраной людей майора Титомира...

Так! Пригоршня вдруг осознал, что ситуация даже еще серьезней, чем он решил поначалу. И не только серьезней. Она *перспективней*. Для него, лично для Пригоршни.

Он сел на корточки, накрыл голову руками, пытаясь сосредоточиться. Мысли разбежались, хотелось вскочить и бежать куда-то, что-то делать, решать... Спокойно, рядовой, себе-

ришь! Ты точно знаешь: сам командир охраны Комплекса, майор Роберт Титомир, поехал в Зону. И не потому, что сегодняшняя экспедиция очень важна, а потому что она для майора – хорошее прикрытие. На самом деле Титомир повез туда железный чемоданчик, где лежали деньги. Большая сумма, наверняка большая. Они *всегда* были большими. На Станции, как называлось место, куда ездил спецпоезд из Комплекса, должны были появиться сталкеры, передать Титомиру товар, то есть артефакты, получить деньги и тихо отвалить. После возвращения экспедиции Витьке с Пригоршней предстояло вывести эти артефакты из КЗ, доставить в городок неподалеку и скинуть покупателю. Они уже почти три месяца регулярно занимались этим, когда ездили в увольнительные, куда их отпускали подозрительно часто... Потому что соответствующие бумаги подписывал майор Титомир, на которого Пригоршня с Витей и работали нелегальными курьерами.

А что теперь? Если майор с солдатами и учеными полегли под выбросом, да и посредники из Зоны тоже... Ну, а как им выжить, раз даже в защищенном Комплексе почти все погибли? Пригоршня аж вспотел, когда понял. Куча денег! Он не знал точно, сколько именно, но артефакты стоят недешево. Деньги лежат в спецпоезде и ждут, пока кто-нибудь придет и возьмет их. Только никто не придет, потому что теперь ни одна живая душа, кроме него, про них не знает. Ему нужно в Зону! Прямо сейчас, пока здесь никто не появился, очень быстро – пулей метнуться. Долететь до Станции, взять чемодан, вернуться к Периметру и исчезнуть...

Ему, обычному рядовому, ни разу в Зоне не бывшему? Пригоршня потер лоб, мучительно соображая. Вот так просто – взять и метнуться? Пулей, ага. Холостой. Он же ничего про Зону не знает.

Ну и что? Он во всяких переделках побывал, многого навидался и многое умеет. Тем более, в глубокую Зону идти не нужно. Станция находится недалеко от Периметра, эти места считаются не особо опасными.

Ладно, но как выйти из Комплекса?

Через внешнюю стрелковую галерею, больше никак. Туда с лестницы ведет технический люк, и сейчас это единственный путь наружу.

Окраина. Станция. Наемник

К вечеру Красного Ворона начал бить озноб, и пришлось принять несколько грамм огневки. После этого по телу прокатилась волна тепла, он перестал дрожать, мышцы налились силой.

Ворон лежал на крыше железнодорожного склада, постелив на шифер темно-красный плащ. Разводы старого камуфляжа на нем мешались с более свежими пятнами, навсегда въевшимися в грубую ткань. Рядом на откидной сошке стояла двадцатизарядная винтовка «Галац» с оптикой и разрывными пулями.

Участок рельс, ведущий к заброшенной товарной станции, сохранился только потому, что им изредка пользовались люди из Комплекса. Здесь не было ничего интересного. Ничего ценного. Ни аномалий, ни артефактов. Здесь почти никогда никто не бывал. *Пустое место*, так говорили бродяги про Станцию. Именно поэтому работающие в Комплексе ученые устроили тут базу, где изредка появлялись, чтобы провести опыты.

Этим вечером сюда должен прибыть спецпоезд, и в нем приедет тот, для кого предназначалась первая разрывная пуля в магазине «Галаца».

Ворон привстал, оглядывая длинный перрон с лужами дождевой воды, где отражалось низкое небо и темно-рыжая от ржавчины кран-балка с обрывками тросов. Не забраться ли на нее?

От порыва холодного ветра заслезился левый глаз, который был заметно темнее правого. Красный Ворон стащил с руки перчатку и осторожно потер его.

На нем были теплые охотничьи штаны, заправленные в высокие ботинки, грубый свитер и плащ. Некоторые считали, что свое прозвище Красный Ворон получил из-за него, но они ошибались, плащ был ни при чем. В Зоне обитал особый вид ворон с алым окрасом – красношейки. Более мелкие и быстрые, чем их черные собратья, они отличались кровожадностью, злобой и мстительностью. Именно так Ворон привык в последний год думать о себе: злобный убийца. К тому же невысокий – всего метр шестьдесят семь. В общем, он считал, что прозвище ему подходит.

Поезд должен остановиться точно под кран-балкой, и на первый взгляд позиция на ней более выгодная. Темнеет, а склад стоит на некотором отдалении от перрона, в сумерках вести огонь будет тяжело. Три часа назад, выбирая место, Красный Ворон обошел всю Станцию, побывал и на балке. Если засесть там, очутишься прямо над выходящими из состава людьми и можно стрелять наверняка. Но как сверху определить нужного человека? Ведь лиц оттуда не увидеть. К тому же на них могут быть капюшоны, фуражки, каски... Его агент в Комплексе упоминал даже какие-то особые шлемы, сделанные специально для этой экспедиции.

Сверху он может не узнать майора. Или промахнуться. Что, если все сорвется? Ворон должен обеспечить себе пути отступления, чтобы продолжить охоту на человека, чье уничтожение он сделал главным делом своей жизни. С крыши склада можно убежать, с кран-балки – скорее всего, нет. А значит, он останется здесь и будет ждать.

Поставив локти на шифер, Ворон прикинул оптическому прицелу. Он сделает четыре выстрела: два в майора и еще два по солдатам, чтобы вызвать неразбериху. Вот только темнеет все быстрее. Вероятность промаха увеличивается.

Услышав тихое гудение, он поднял голову. Встал на колени, выхватил из чехла бинокль и поднес к своим разноцветным глазам.

Вот и поезд. Едет совсем медленно. Небольшой электровоз с единственным вагоном, необычно длинным, расширяющимся в задней части. Подкрутив оптику, Красный Ворон отчетливо разглядел ставни, закрывающие бойницы на вагоне.

Гул усилился и распался на составные звуки: стук колес, рокот, гудение. Три минуты, прикинул Ворон, и они будут здесь. Но эти минуты могут оказаться критичными: вот-вот стемнеет.

Он приподнялся, выдернув из-под себя плащ, натянул его и застегнул на все пуговицы. Не принять ли еще огневки, вдруг снова начнет знобить... Нет, рискованно, если переборщить, стрелять будет трудно.

Поезд приближался. Как и ночь. Придется рассчитывать на свет ламп, которые включались по бортам состава, если он прибывал в темноте. Левая рука задрожала, и Ворон приказал себе успокоиться. Время его лебединой песни... нет, его *вороньего крика* наступало. Красный Ворон снова взялся за «Галац». Упер локти в шифер, приклад – в правое плечо, скрюченное левое запястье подставил под ствольную коробку. Его любимым оружием была длинная зазубренная заточка, он умело работал ножом или пистолетом, ему доводилось убивать людей в помещениях, на чердаках, в подвалах и туннелях, в многочисленных брошенных зданиях Зоны. Но снайперская стрельба не была его коньком. Хорошо, что расстояние до перрона небольшое и позиция удобная.

Включившиеся фары электровоза разогнали темноту на перроне, и тут же зажглись лампы в узких нишах по бортам. Поезд озарился длинным белым пунктиром. С кривой ухмылкой Ворон подумал: *хорошо, они сами помогают мне*. Станция вокруг словно провалилась в черную бездну, зато прямоугольник перрона засиял. Стылыми пятнами поблескивали лужи, тускло светились полосы рельс.

Состав въехал под кран-балку и встал. Еще несколько секунд двигатель работал, потом смолк, и над Станцией повисла тишина. Ничего не происходило. Ничто не шевелилось. Красный Ворон замер, слыша ровные, уверенные удары своего сердца.

Вдруг его голова дернулась. Зрачки расширились. Дрожь прошла не только по руке – по всему телу, тысячи раскаленных иголок пробежали вдоль позвоночника. Он поднял голову, пригляделся и вскочил на колени. Черное небо на юге наливалось тяжелым багровым огнем. Ворон сипло вздохнул. Посмотрел на поезд, неподвижно стоящий у перрона. На свою готовую к бою винтовку. Снова на небо. Зрачок его левого глаза потемнел, стал густо-вишневым, почти черным.

Сомнений не было: от Петли, скрытой туманами, затерянной среди диколесья, мертвых дорог и пустых городов – от далекого, недостижимого центра Зоны к нему катилась волна выброса. А это означало, что жить Красному Ворону оставалось считанные минуты, если только...

Окраина. Спецпоезд. Майор

– Кто это? – худой крепкий мужчина с холодными глазами и жесткими складками у рта посмотрел на монитор, висящий под потолком вагона.

В последние полгода зрение его медленно портилось, а в черных густых волосах появились нити седины. Майор Роберт Титомир знал, что стареет. Он еще крепкий жилистый мужчина, двигается быстро, бьет сильно, стреляет метко. Но ему уже сорок семь лет.

СОРОК СЕМЬ.

Тот предел, за которым тело уже только дряхлеет. И при этом ум –местилище уникального боевого опыта. Зачем нужен мозг, управляющий хилым телом, пусть даже он знает все про смертельную и такую интересную игру, называемую войной?

– Там кто-то прячется, – добавил он.

Вагон делился на четыре отсека. В первом находились ученые: профессор Артур Кауфман, его дочь Ника и молодой лаборант. В четвертом, хвостовом, стояла амфибия, а в третьем расположились рядовые. Майор Титомир с помощником занимали второй отсек. Здесь мерцали мониторы наружного наблюдения, поблескивали металлом шкафы со спецпайками, сменными противогазами и боеприпасом. На кронштейнах висели два покатых шлема с глухими черными забралами.

На откидном сидении устроился долговязый капитан Ковач, личный порученец майора. Свою «Грозу» Ковач оставил в отсеке, где сидели солдаты, на ремне его висел пистолет.

– Там прячется человек, – произнес он равнодушно, отвечая на вопрос майора.

Стук колес стихал – поезд въезжал на Станцию. Монитор, к которому было приковано внимание Титомира и Ковача, показывал картинку с нового датчика. Всю дорогу этот датчик, смонтированный техниками Комплекса перед самым отъездом, барахлил, и только теперь изображение стало чище. Справа по ходу движения состава маячило вытянутое желто-оранжевое пятно. Оно мерцало посреди едва различимых темно-серых прямоугольников и квадратов станционных зданий.

– Что это за постройка? – уточнил Титомир.

– Угловой склад. Он залег на крыше.

– Когда выйдем на перрон, попадем в прямую зону его видимости. Кто бы там ни засел.

Приглушенно лязгнула сцепка, и поезд остановился. Ковач встал, сдвинул ставню на бойнице и выглянул, положив ладонь на пистолет. Роберт Титомир смотрел на монитор. Солдаты в третьем отсеке молчали, дожидаясь приказа на выгрузку, а из первого отсека, когда двигатель электровоза смолк, донеслись голоса ученых. Артур Кауфман что-то спросил, в ответ раздался неразборчивый голос лаборанта, потом дочка профессора попросила «настроить наконец этот чертов прибор»...

Ковач вопросительно повернулся, и майор кивнул:

– Действуй.

Глаза серба тускло блеснули. Шагнув на середину отсека, он присел над круглым люком в полу, взялся за скобу.

– Ты действительно хорошо понимаешь, где он прячется? – уточнил Титомир.

Приподняв люк, Ковач еще раз взгляделся в монитор. Кивнул и сказал: «Без вопросов». Титомир наблюдали за ним. Он знал: кто бы ни скрывался на крыше, капитан незаметно выползет из-под вагона, обойдет склад, подберется к противнику и располосует его на куски.

Ученые за перегородкой вдруг загомонили в три голоса. Донеслось бормотание лаборанта, потом возглас: «Папа, шлемы, быстрее!»

Дверь, ведущая в первый отсек, сдвинулась, и в проеме возникла Ника Кауфман со шлемом в руках.

– Майор, на нас идет небывалый выброс!

Ковач, наполовину приподняв крышку люка, замер.

– Небывалый? – повторил Титомир. Даже сейчас его голос звучал холодно, без тени растерянности.

– У нас с собой переносной ЭМ-анализатор... – Ника ткнула пальцем за плечо. – Он вдруг взбесился и...

– Такого еще не было, – долетел из-за ее спины голос профессора. – Регистрируется волна, энергетический уровень которой в несколько раз превышает то, что мы считаем за стандарт. Если только прибор не вышел из строя, а я уверен, что не вышел, этот выброс будет крупнейшим со времен...

Годы службы в самой опасной точке планеты научили майора Роберта Титомира думать, решать и действовать быстро. Он шагнул к борту, снял с кронштейна свой шлем и приказал:

– Ковач, закрой люк. Прикажи всем лечь на пол. Через сколько нас накроет?

– Минута-полторы, не больше, – ответила Ника и попятилась, нахлобучивая шлем на голову.

– На поезде стоит защита против выбросов. Вместе со шлемами она поможет?

– Я так не думаю, – донеслось из-за перегородки. Голос Кауфмана звучал глухо – он тоже надел шлем.

Перехватило дыхание, и майор сглотнул, когда спазм сдавил горло. Это был первый признак близящегося выброса. Громко, неровно заколотилось сердце. Роберт Титомир сел под бортом, вытянул ноги и уперся ладонями в пол.

Прежде, чем выброс накрыл их, он успел бросить взгляд на монитор из-под забрала шлема – и увидел, что желто-оранжевый силуэт исчез с крыши склада.

Глава вторая

Пистолет висел в кобуре, горящий фонарик был в руках. Пригоршня провернул запор технического люка и осторожно шагнул на узкую длинную площадку с каменной оградой высотой почти по грудь.

Было темно и холодно – конец сентября, уже почти ночь. С галереи открывался вид на Зону. Дул ветер. Пригоршня повел широкими плечами, застегнул все пуговицы на рубаше. Облака затянули небо: темнота вверху, темнота внизу, хотя там, если приглядеться, она не полная – виднеются дрожащие огоньки, один дальше, другой ближе, а вон слева какая-то мерцающая россыпь. Что это может быть? Пригоршня не знал. К Зоне он испытывал опасливое почтение. Странные земли, загадочные. И то, что там живет... Лучше держаться подальше от непонятного.

Он остановился позади торчащей из ограды турели с толстым стволом. Станковый бельгийский пулемет «Персефона». Что такое эта Персефона, он толком не знал, хотя Витя говорил: мол, богиня мертвецов. Кто там в Бельгии дал оружию такое название? Юмористы! В КЗ пулеметы называли попросту «психами», их было три: по концам галереи и на середине. Подвижные турели, автонаведение от датчиков движения с контролем из компьютерного центра, ленточное питание...

С галереи на крышу Комплекса могла вести лестница. Пожарная какая-нибудь, аварийная. Вниз точно ничего не ведет, потому что внизу – уже Зона, и это было бы не по инструкции, но вот вверх – запросто. Крыша плоская, с небольшой радарной тарелкой, посадочными площадками и рядом защитных экранов, таких же, как по всему Периметру. Сплошной ряд этих экранов – проблема, попробуй еще переберись через них, но Пригоршня знал, что при необходимости переберется. Да он перепрыгнет, птицей перелетит, дайте только на крышу вырваться! А уж в другом крыле мастерская, лаборатории, куча всего, там найдутся инструменты и способ, как спуститься в Зону, тоже отыщется.

Но лестницы не было. Он дважды прошел по галерее, освещая фонариком уходящую вверх стену. Потолки в помещениях второго этажа не очень высокие, но до крыши все равно далековато, несколько метров гладкой бетонной стены – не забраться никак. Плохо! Что же он, заперт тут? С мертвецами? Ведь ни вверх и ни вниз, и вообще никак отсюда, как же ему теперь? Нелепая ситуация, тупая, дурацкая! Вроде Робинзона на необитаемом острове. А рядом, на соседнем острове – сундук с сокровищами. То есть железный чемоданчик с деньгами. Лежит, ждет Пригоршню!

В досаде он стукнул стальным ободком фонарика по стене, и будто в ответ «психи» загудели. То ли из-за недавнего выброса что-то сбойнуло в электронной системе, то ли, наоборот, обслуживающий «психов» контур остался цел и на что-то среагировал...

Центральный пулемет, опустив ствол, разразился яростным грохочущим стуком.

Хотя Пригоршня успел разинуть рот, но уши заложило, и в груди болезненно заекало. Громыхание накрыло галерею, отразившись от стены, покатилося по Зоне. В ленту этого пулемета были вставлены трассеры, примерно один через пять-семь десятков патронов, и светящийся пунктир частой строчкой прошил темноту. Турель стала поворачиваться, пунктир нари-совал во тьме веер.

Пригоршня бросился обратно к люку. Пули били в землю далеко от КЗ, рубили кустарник, крошили стволы деревьев, но треск древесины тонул в безумном грохоте разбушевавшегося «психа». Хорошо, что проснулся только один монстр – акустический удар строенной пальбы продавил бы барабанные перепонки до самого мозга.

«Псих» заткнулся, когда Пригоршня уже пробирался в люк. В ушах рычало и лаяло, в голове работал отбойный молоток. Вывалившись на площадку, он закрыл люк, проковылял к двери и только в коридоре остановился.

Здесь все также горела аварийка, и друг Витя лежал в той же позе. Пригоршня привалился к двери, невидящим взглядом уставился перед собой. Провел по лицу пятерней.

– Заперт, – растерянно прошептал он. – Вашу мать, заперт с трупами!

Несколько секунд он стоял неподвижно, потом встрепенулся, поднял голову. Во-первых, можно найти веревку. Она должна быть в хозблоке. Во-вторых, есть ведь еще личные телефоны. Сержант как-то хвастался, что у него на трубке мобильного классная армейская защита от ЭМ-поля...

У рядовых в Комплексе мобильных не было, запрещено, свой Пригоршня сдал замполту при зачислении. Но у офицеров, то бишь капитана и сержанта, тела которых он нашел в комнате отдыха...

В кармане форменных брюк сержанта, лежащего возле бегового тренажера, обнаружилась трубка в бронированном корпусе. Пригоршня слышал, что аномальное излучение выбросов расстраивает или напрочь убивает прежде всего более сложную и тонкую электронику, а узлы попроще могут и выдержать, тем паче, если на них дополнительная защита, вон, работают же датчики «психов»...

Мобильник тоже работал. Экран замерцал, блокировка клавиатуры снялась. Пригоршня вызвал адресную книгу, потом перечень недавних звонков – и ответил на самый последний. Неважно, кто там звонил сержанту, главное с кем-нибудь выйти на связь! Пригоршня все им расскажет, объяснит...

Но связи не было. Сеть не работала. Не просто не работала – из динамика пошли странные шумы, каких он раньше не слышал. В эфире гуляло тяжелое эхо, будто сотни голосов шептали что-то мрачное, угрожающее. Связаться не удалось ни с кем. Вообще.

С замирающим сердцем рядовой Никита Новиков по прозвищу Пригоршня понял, что плохое случилось не только в Комплексе Заграждения № 1. Что-то очень нехорошее произошло по всей округе.

* * *

Когда первый шок окончательно прошел, он планомерно обыскал все помещения, в которые мог проникнуть. Тела погибших стащил в кухонную морозильную камеру. Она не отключилась – не все контуры и системы Комплекса вырубались. Витю положил в центре камеры, отдельно от других, и еще раз попрощался с другом. Потом собрал оружие с мертвецов и отнес в комнату отдыха.

Пригоршня не смог попасть только в два помещения: оружейный склад и кабинет замполтыла Шульца, запертый изнутри обычным замком. И тела Шульца не нашел, скорее всего, тот лежал у себя в кабинете. И еще он не смог отыскать веревки, чтобы по ней спуститься вниз. В хозблоке на полках валялось куча всего, но веревки не было.

Дело шло к полуночи. Резервные лампы выключить не удалось, они постоянно горели в коридоре и на лестнице. Тусклый унылый свет навевал такую тоску, что хоть вешайся. А ведь обычный мир – вот он, рядом. Вблизи Периметра никто не живет, он окружен полосой отчуждения, там только наземные патрули да вертолеты, ну и еще полиция, помогая армии, охраняет подъезды. Но полоса эта не широкая, и дальше нормальная жизнь. А Пригоршня торчит здесь и не может выбраться!

Глаза слипались. Сейчас проспать – и завтра с утра решить проблему. Что он ее решит, из КЗ вырвется, Пригоршня был уверен. Деньги, много денег... Унести их в клюве – и больше

никаких проблем не зная. У него была мечта, голубая, как море, прекрасная и зовущая, и может суммы в железном чемоданчике хватит, чтобы осуществить ее?

Лампа в коридоре тихо потрескивала, и это был единственный звук во всем южном крыле. Растянувшись на бильярдном столе, Пригоршня накрылся одеялом и устался в темный потолок. Было чувство, словно весь мир опустел, и он последний человек на планете. И Зона тоже опустела, все живое смёл выброс. Пригоршня лежал и тоскливо думал об этом, наконец, всё поплыло, и он заснул.

И проснулся потому, что неподалеку раздавалось монотонное бормотание.

* * *

Он спрыгнул со стола. Сознание включилось мгновенно, никаких непоняток, никаких этих *«ой-мама-где-я-что-происходит?!»* Схватив пистолет, упал позади стола на одно колено, нацелив ствол на проем раскрытой двери. Голос доносился из-за нее – то есть из коридора. Приглушенный, неразборчивый. Мужской.

Прихватив фонарик, Пригоршня, не обувшись, бесшумно вышел в коридор. Сколько времени, интересно? Окон нет, работающих часов тоже...

Говорили в кабинете зампотыла Шульца. У него даже волосы на голове шевельнулись, когда он представил, что это сам Шульц сидит там у себя за столом... сидит, значит, и из ушей, из ноздрей его бегут кровавые дорожки, а он сидит неподвижно и только бормочет что-то: бормочет, бормочет, сволочь, уставившись мертвыми глазами на дверь, за которой стоит Пригоршня!

Бубнеж за дверью прекратился. Первый испуг прошел, и Пригоршня начал злиться. Ну вас всех, пора брать дело в свои руки! Когда за дверью снова забормотали, он отошел к другой стене коридора, пистолет сунул в кобуру, фонарик положил на пол – и с разбегу налетел на дверь плечом. Дверь грюкнула, плечо заболело. Он снова отошел, снова ударил. Потом сходил в комнату отдыха, натянул ботинки, вернулся и вмазал по двери ногой. Нога у Пригоршни была – дай бог каждому такой сорок пятый, да и ударил он от души, потому что надоело торчать в коридоре. Замок треснул, дверь хрустнула и распахнулась.

Бубнящий голос смолк за секунду до этого.

В небольшом кабинете стояла пара шкафов, стол, кресло, стул. Шульц развалился на потертом диване, вытянув ноги, откинув голову, грудь залила кровь из носа. Пригоршня и подходить к нему не стал, и так было видно, что зампотыл умер и сидит неподвижно уже несколько часов.

На столе валялись разбросанные бумаги, а еще стояла открытая бутылка виски. У дивана лежал перевернутый стакан, рядом на ковре виднелось темное пятно. Ясно: налил себе Шульц стакашок, чтоб расслабиться в конце рабочего дня, присел на диван – тут-то выброс и вскипятил ему мозги. А бутылку он достал, вон, из сейфа в нижней части шкафа. Сейф был раскрыт, и Пригоршня подошел к нему, заглянул. Там лежала пачка евро, тысяч пять, не меньше, еще пистолет «СПС» и коробка с патронами. И в глубине – ящичек из металла с изумрудными отливом. В ящик он заглядывать не стал, а вот евро достал и сунул в карман. Никаких угрызений совести при этом не испытывал – мертвецам деньги ни к чему.

Кто бормотал в кабинете? Пригоршня покосился в сторону неподвижной фигуры на диване – казалось, что сейчас покойник поднимет голову и уставится на незваного гостя. Отодвинув кресло, он склонился над столом. Пока разглядывал бумаги, рука сама собой взялась за бутылку, даже как-то вроде и незаметно для него, будто действовала сама по себе – взялась, поднесла к губам... Он сделал глоток, потом второй, третий, облизнулся – и запрокинул голову, вливая виски в глотку. Ух, как ему этого не хватало! Пьяницей он никогда не был, но иногда выпить – самое оно, лучше любой сигареты, лучше женщины, лучше всего. Он пил

жадно, будто воду после недели в пустыне, в горле жгло, в желудке уже тоже жгло, а Пригоршня все пил, все не мог оторваться... И тут рядом мужской голос осторожно произнес:

– Я что-то слышу. Там кто-то есть?

Пригоршня отшатнулся, подавившись виски. Закашлялся, постучал себя по груди. Поставив бутылку на стол, смахнул на пол бумаги и увидел под ними решетку динамика. Как такая штука называется – интерком, что ли? Рядом было несколько переключателей и кнопок.

– Я точно что-то слышал, – повторили из динамика.

– Правильно, ты меня слышал, – громко сказал Пригоршня.

В динамике стукнуло – что-то уронили, наверное, от неожиданности. Раздался тихий возглас, потом скрип. Он мог бы поклясться, что это говоривший с ним человек с размаху опустился на стул.

– Черт! – сказали в динамике. – Это было неожиданно! Фух... Так, ладно... Это ведь не начальник хозяйства южного крыла Шульц? Потому что канал с его кабинетом, но Шульцу пятьдесят, а у вас... у тебя голос молодой.

– Нет, не зампотыл это, – ответил Пригоршня, помимо воли широко улыбаясь – хоть кто-то еще живой в Комплексе! Опустившись в кресло упомянутого Шульца, он снова взялся за бутылку, но передумал пить и добавил: – Меня Никитой звать, я здесь охранник. Здесь, в южном крыле, то есть. А ты кто?

– Андрей, – представился незнакомец. – Работаю в лаборатории вместе с профессором Кауфманом. Ты почему раньше не отвечал, Никита? Я как обнаружил, что внутренняя связь по нескольким каналам работает, так уже почти час болтаю впустую, а в ответ тишина.

– Не мог попасть в кабинет. Эта твоя связь – в кабинете, а кабинет был заперт изнутри. Шульц решил выпить и не хотел, чтоб кто-то увидел. На объекте выпивка запрещена.

– Точно, – согласился Андрей. – Мы в лаборатории спирт иногда разводим по-тихому, нам медицинский для приборов поставляют. А сам Шульц?..

– Мертв он, – Пригоршня покосился на неподвижное тело и все-таки хлебнул еще немного виски. – Здесь все мертвы, Андрюха. Все до единого. А, нет, я вот живой. У парней кровь из ушей, из носа, а у одного глаза лопнули. Ты представляешь?! – ему захотелось гахнуть кулаком по столу. – У вас тоже все мертвы?

– Да, – ответил невидимый собеседник. – Никого, кроме меня.

– А как думаешь, почему мы выжили?

– Про себя-то я точно знаю. В момент выброса я был в хранилище артефактов. Тех, что привозят из Зоны. А там не просто дополнительное защита – все помещение покрыто тем же материалом, что и на экранах, которые стоят по Периметру. Это меня и спасло, хотя сознание потерял. Еле в себя пришел.

– И у меня примерно так было. Тошнило сильно, кровь из носа... Только я ни в каком хранилище артефактов в тот момент не был, а ходил по коридору. Знаешь пограничный коридор?

– Знаю. Гм, странно... – Андрей помолчал. – Ну, я вижу только одно объяснение: ты иммунный.

– Чего?

– Иммунный. Это мы тут так называем, хотя термин неправильный, конечно. Понимаешь, примерно на восемь-десять тысяч человек попадается один, не чувствительный или слабо чувствительный к выбросам. Вот ты такой. Везунчик.

– Ага, ну это хорошо. Только не назвал бы я везением то, что сижу тут и не могу выйти.

– Как так?

– А вот так. Тамбур между твоей половиной и моей перекрыло плитой.

– Это я видел. Со своей стороны дверь открыл, а дальше никак. Ну а вниз?..

– Дверь в депо снизу заперта. А на крыше валяется вертушка.

– Вертушка? – удивился Андрей.

Пригоршня только сейчас обратил внимание, что голос у него немного невнятный, как будто язык заплетается. Наверное, человек после выброса еще не оклемался.

– Конвертоплан, – поправился Пригоршня. – Генеральский «Бегемот». Может и сам генерал внутри. Машина свалилась прямо над лестницей, так уж случилось, панель просела, в ней дыра, а на ней – лежит «Бегемот». Не пролезть.

– То есть генерал Цивик мертв... Ого, вот это новость! – собеседник надолго замолчал. – Ясно, принял к сведению. Послушай, а ведь с вашей стороны еще есть стрелковая галерея.

– Ну! Отлично, да? Целая галерея! И как с нее, прикажешь, рыбкой вниз? Да там же еще и «психи».

– Какие... ах да, пулеметы. Так, я понял, ты заперт. На самом деле, если ты даже сможешь спуститься в депо, то на мою сторону все равно не попадешь. От вас сюда ведет только тамбур в коридоре второго этажа, так безопаснее. И это плохо, а? Крайне плохо.

– Я вот тоже так считаю, – буркнул Пригоршня. – Но теперь мне лучше на душе, потому что ты объявился. Ты-то не заперт, надеюсь, лаборант?

– Я – не лаборант, – строго поправил Андрей. – Я инженер, кандидат наук и помощник профессора Артура Кауфмана. И – да, я не заперт. Но вопрос сейчас не в этом. В общем, не перебивай, и я обрисую ситуацию, как ее вижу. Готов слушать?

– Готов, – сказал Пригоршня.

– Наша радиостанция не работает, но я нашел приемник в одной комнате. Старенький, схема грубая. Приемник пережил выброс и кое-что ловит. Так вот: выброс был очень сильный. Завтра я попытаюсь восстановить работу части приборов в лаборатории, снять показания, но уже сейчас понятно – этот выброс в разы больше предыдущих. Его можно сравнить разве что с тем, самым первым, после которого появилась Зона. А иначе, почему в Комплексе почти все погибли? Понимаешь?

– Ну а в самой Зоне? Все, кто ближе нас к эпицентру...

– В Зоне часть людей и животных могла выжить. Те, кто там долго находился, привык к выбросам, адаптировался. Но остальные... В общем, Никита, защитные экраны Периметра этот выброс пробил. Сейчас на десятки, если не сотни километров вокруг хаос. Представь: в городах вырубались электронные системы, интернет, поотключало силовые станции, нет электричества, не заводятся машины, особенно те, что посовременнее. А еще у сотен, если не тысяч пожилых людей инсульты и инфаркты...

– Так что ты услышал в радиоприемнике? – тихо спросил Пригоршня.

– Какофонию, вот что. Призывы о помощи, беспорядочные переговоры, крики, шумы. Шум, кстати, на некоторых волнах очень необычный, будто кто-то шепчет. Теперь, Никита, вот какой вывод из всего этого... Невеселый вывод: я уверен, что в ближайшие дни, а то и недели к нам на помощь никто не придет. Им просто не до нас. Там реальный хаос. Потом, постепенно, ситуацию возьмут под контроль, вспомнят про Комплекс, пошлют разведку, за ней спасателей. Но сейчас мы сами по себе, факт. И поэтому...

– Так, погоди! – Пригоршня встал, с шумом сдвинув кресло, и собеседник замолчал.

Он отошел в сторону, лег и стал отжиматься. Быстро, с резкими выдохами и громкими вдохами, не обращая внимания на отчаянно заколотившееся сердце. Нужно было сбросить напряжение, возникшее от всего этого разговора, и он отжался пятьдесят раз без остановки. Выпрямился, тяжело дыша. Расстегнул рубашку, вытащил из-под ремня, сел и сказал:

– Пригоршня.

– Что? – спросил Андрей осторожно. – Э... Пригоршня чего? Что ты там делал, Никита?

– Отжимался. Пригоршня – так меня называют. Ну, прозвище. Я привык как-то. А то ты все Никита да Никита, меня почему-то от этого коробит. Называй меня так: Пригоршня.

– Хм... ладно. Меня тогда можешь называть Химиком.

– Почему Химиком?

– Еще в институте приклеилось. Любил опыты всякие химические, хотя стал в итоге технарем, то есть больше имею дело с железками, а не с химией.

– Химик, – повторил Пригоршня. – Ну, хрен с тобой, кандидат, будешь Химиком. Слушай, ты же на крышу можешь выйти и сбросить мне веревку. Трос какой-нибудь – сверху, на стрелковую галерею. Там высота несколько метров, не очень много, – Пригоршня очень воодушевился. – Привяжешь наверху, и я залезу! Мне это раз плюнуть! Дальше вместе будем решать, что да как. Давай, сейчас прямо, только найди подходящую...

– Ты еще не знаешь всю ситуацию. Не до конца.

– Да что ж еще? Говори уже!

– У меня нога сломана.

– Ка-ак?! – выдохнул Пригоршня и схватился за голову: – Но как ты ухитрился?!!

– В момент выброса я стоял на лестнице. Знаешь, такие, на колесах, как бывают в библиотеках...

– Не знаю.

– Ну, в фильмах мог видеть. В общем, когда трянуло, я с нее упал. Нога угодила между ступенек... и все, прощай лодыжка. Очнулся – боль адская, сам не знаю, как дополз до медпункта. Обезболивающее вколол, как-то кость поправил, шину наложил. Хотя я не врач. Нашел костыль, теперь ковыляю. Уже, кстати, лекарство перестает действовать, я сейчас с тобой говорю, а у меня перед глазами плывет. Поэтому... Ну, ты пойми: я это не к тому, что вот какой я весь из себя несчастный, но мужественный. Просто мне бы вообще-то сейчас лежать, закатив глаза, и бульон через трубку сосать. На крышу мне в таком состоянии не выйти еще несколько суток. Там же еще экраны, через них надо переползать по узкой лесенке – это просто нереально, пока нога не заживет.

– О-хо-хо... – только и простонал в ответ Пригоршня. – То-то я слышу, у тебя голос слабый... Так, Химик, ты тогда и вправду лучше ложись отдыхать. Береги здоровье. Лекарство еще какого себе вколи и дрыхни, чтоб набраться сил. А я здесь же, в кабинете, лягу, только вытащу мертвеца. Ну и завтра буду крутиться поблизости, да мне и пойти-то некуда, а ты, как немного придешь в себя – выходи на связь.

Из динамика донесся тихий вздох. Потом была длинная пауза, и наконец Химик сказал:

– Конечно, поспать мне надо, но совсем немного. И тебе тоже. Дело в том, что... боюсь, времени у нас с тобой нет. Не получится отдыхать – ни одного лишнего часа.

– Почему?

– Все дело в экспедиции профессора Кауфмана.

У Пригоршни засосало под ложечкой. Что Химик знает про экспедицию? Про дела майора Титомира, про подпольный трафик артефактов? Не может он ничего знать! Майор не взял бы в долю какого-то ученого... или взял бы? Но не задавать же вопрос напрямую: Химик, брат, а ты тоже артами командованию помогал приторговывать и свою долю имел? А ты знаешь, что в поезде, на котором укатила экспедиция, спрятаны деньги, которые я хочу заполучить, потому что они теперь вроде как бесхозные?

Пригоршня молчал, затаив дыхание, и Химик заключил:

– Мне нужно поспать хотя бы пару часов, потому что я едва соображаю. А утром свяжемся и решим, что делать дальше.

Глава третья

Открыв глаза, Пригоршня сел на диване. Мутным взглядом окинул комнату, соображая, где находится, увидел бутылку виски, которую прижимал к груди... Он что, в обнимку с ней заснул? Хорошо, хоть закрыл вчера. Вчера? Какое там «вчера»! А может, сегодня ночью, под утро, совсем недавно?

Ладно, пора работать.

– Химик! – позвал Пригоршня. Поднялся с дивана, поставив виски на пол. Все тот же тускло-красный свет авариек, все та же мертвая тишина в южном крыле... Он поглядел на часы, которые снял с запястья Шульца – семь утра – подкрутил громкость интеркома, натянул носки и принялся обуваться. Снова позвал:

– Эй, кандидат! Подъем!

Химик опять не ответил. Спит или что-то с ним случилось?

А нужен ли вообще Пригоршне этот мужик? Что он там, со своей ногой, может сделать, как помочь? Пригоршня собирается в Зону за деньгами, и как ему в этом подсобит Химик? Тем паче, что открывать ему свои цели нельзя, сдаст потом властям. Так, ладно, нужно сейчас, когда в голове прояснилось, найти способ спуститься.

Он снова обыскал хозблок... и обругал себя за вчерашнюю невнимательность. Хотя понятно: Пригоршня был еще пришибленный после выброса, мысли путались, к тому же сильно уставший, а вместо нормального освещения – только бледный аварийный свет... И все-таки веревку мог бы и заметить! Большой моток, как выяснилось, висел на крюке, вбитом в углу за полками со всякой хозяйственной рухлядью. Пригоршня радостно схватил ее: есть! Поспал немного, в себя пришел – и сразу удача поперла.

Выйдя в коридор, он разложил веревку и затянул на ней узлы через каждый метр. Смотал. Из кладовки взял еще проволоку с кусачками, натянул куртку и отправился на галерею.

Только рассвело, синевато-серый туман висел внизу, скрадывая очертания невысоких холмов и рощ. Вдаль уходила железнодорожная ветка, постепенно исчезая в мареве.

Пригоршня перегнулся через ограждение, оценив расстояние до земли, обвязал веревку вокруг турели пулемета, стоящего в середине галереи. Зафиксировал петлю проволокой, бросил другой конец вниз, покосился на «психа» и забрался на ограду. Осторожно, чтоб ненароком не попасть в зону действия датчика, стал спускаться.

Веревка не доставала до земли метра полтора. Спрыгнув рядом с рельсами, Пригоршня сделал пару шагов от стены и с чувством глубокого удовлетворения оглядел здание, из которого наконец смог выкарабкаться. Все, он на свободе. Первый этап пройден, осталось самое главное: добраться до денег в спецпоезде и исчезнуть.

Вправо и влево уходила серая громада Периметра, сложенная из здоровенных квадратных бетонных блоков. Полого загибаясь, она исчезала вдали. А посреди торцевой стены Комплекса поблескивали ворота. Под створками темнела щель, из которой выходили рельсы. Между шпалами – трава, а вокруг растут совсем мелкие кусты, деревьев нет. Растительность перед КЗ прорежали, чтоб среди кустов и высокой травы никто не мог подобраться к воротам, ну и чтоб датчики «психов» не реагировали на колышущиеся на ветру кроны деревьев и заросли.

Покосившись на галерею с пулеметами, Пригоршня шагнул к воротам, провел рукой по гладкому металлу и пошел вбок, туда, где в стене за левой створкой была дверь.

Безуспешно подергав круглую ручку, повернулся к двери спиной. А может прямо сейчас пойти вдоль ветки? Других путей в депо нет, никаких тебе дверей, проемов, ниш, окон или, мать их, калиток для котов! По бокам от ворот только глухая стена – и что дальше? Все-таки в депо стоит дрезина, вдруг она на ходу? Машина простая, могла пережить выброс, как тот

приемник у Химики. Пригоршня ведь в Зоне не был, даже сопровождать научных на спецпоезд его ни разу не брали, ни одного живого сталкера он в глаза не видывал, и артефакты тоже, только контейнеры с ними, которые тайно вывозил из Комплекса. Без провианта, без снаряги не дойдет он до Станции. Так что эта вылазка – разведка, по крайней мере, он своего добился, организовал себе путь наружу. Теперь нужно вернуться, хорошенько подготовиться и тогда уж отправляться в путь.

Тишина стояла полная. Под ногами мягкая земля и сухая желтая трава. Огромная территория впереди, и огромная стена сзади, и Пригоршня рядом с ней – крошечная фигурка на краю пустынных земель. Он вдруг понял, что туман сгустился. Солнечный свет померк, сделалось прохладней, сумрачней. И что-то ему это не понравилось. То ли показалось, то ли и вправду возле ветки в белесой мути прошла тень? Возникла и пропала, снова возникла, немного в стороне, и...

Точно, там кто-то идет. Человек. Пригоршня схватился за пистолет.

На незнакомце было подобие шинели с большим треугольным воротником, заправленные в сапоги свободные шаровары и шляпа с полями. Пригоршня видел его не очень отчетливо, но ему показалось, что сзади из-под шляпы свисают длинные волосы, а в руках человек держит короткоствол незнакомой модели. И нижняя часть лица замотана тряпкой. Человек шагал широко, шаровары качались, ходили волнами. На ходу он повернул голову – на едва различимом овале лица тусклой бронзой блеснули глаза.

В голове у Пригоршни что-то такое заворочалось, и будто тысячи голосов зашептали угрожающе. Засосало под ложечкой. Взгляд у незнакомца был... мертвенный, просто убийственный взгляд. В груди стало пусто и холодно. Так может глядеть мертвец, да не простой – повелитель всех мертвецов, какой-нибудь некромант-зомби из ужастика. Пригоршня, затаив дыхание, бочком-бочком пошел вдоль стены. Хорошо, что он не отправился в путь вдоль ветки. А то бы вступил в этот туман, столкнулся бы лицом к лицу с человеком в шинели – и поминай, как звали.

Пугающий шепот усилился, будто его голова – антенна, и ловит чьи-то сигналы. Сообщения кого-то чужого, то есть чужих, то есть... Фухх! Ощувив, как что-то теплое ползет по лицу, по губе, Пригоршня слизнул и понял – из ноздри течет кровь. Силуэт в тумане остановился и глядел на него. А может, просто в его сторону? Видит этот некро-мужик Пригоршню или нет?

Он споткнулся о рельс и, не в силах больше контролировать себя, бросился вдоль стены. С разгону налетел на веревку, вцепившись в нее, подпрыгнул, качнулся, перебирая руками. Оглянулся – незнакомец смотрел точно на него.

Пригоршня стал подниматься, переставляя по стене ноги и лихорадочно перебирая руками. Раз-два, раз-два, раз-два! Вот и галерея, а вот прямо над головой – длинный ствол «психа», показавшийся чуть ли не родным. Здравствуй, браток, рад тебя видеть, безумный ты сукин сын! Нырнув вбок, Пригоршня кувыркнулся через ограждение рядом с турелью. При этом слишком далеко вытянул ноги, и они попали в поле зрения датчика – центральный «псих» загудел, вздрогнул, ствол его качнулся.

Пригоршня уже лежал на полу галереи. Сердце колотилось вроде и не быстро, но очень громко и сильно, от каждого удара грудь содрогалась, перед глазами вспыхивали бледные круги, а в ушах пульсировал многоголосый шепот.

«Псих» погудел еще немного и успокоился. Шепот в голове тоже стих, сердце забилося спокойней. Пригоршня встал на колени, недоумевая, что с ним случилось. Никогда так не боялся, даже когда их катер подорвали фугасом у берега, и пришлось под плотным огнем плыть к осоке, а воду вокруг прошивали вереницы пузырьков, и рядом в темном клубящемся облаке медленно опускалось тело капитана, прошитое тремя пулями...

Тогда было страшно, конечно, страшно, только мертвецы не боятся, но не было такой бездумной паники, какую вызвал этот силуэт в тумане. В задницу мутанту Зону с ее замороч-

ками! Пригоршня достал пистолет, навалившись на ограждение, направил ствол вниз, чтобы отправить незнакомцу в тумане несколько свинцовых гостинцев.

Только человек исчез. И туман тоже. Вернее, он по-прежнему висел синеватой пеленой, но дальше от стены, а прямо под Комплексом было чистое, хорошо просматриваемое пространство.

Ему захотелось не просто плюнуть с галереи – захотелось вылезти на ограждение, вжикнуть «молнией» и послать вниз молодецкую струю, окропить, так сказать, Зону желтеньким, выразив таким способом свое превосходство над ней. Пометить территорию. Пригоршня – человек! Воин! Пригоршня, блин, самец, и это звучит гордо!

Конечно, глупостями заниматься он не стал. Убрал пистолет в кобуру и направился к люку, но на полпути вернулся, вытянул вверх веревку, оставив конец привязанным, бросил на галерею. Наверное, это тоже вздор, чепуха, как и паническое бегство, но чепуха более оправданная. Зона его знает, что за дрянь может приползти по веревке, даже невзирая на пулеметы. Пригоршня решил, что Химик бы его одобрил. Кстати, как он там?

* * *

– Ты вернулся? Наконец-то.

Голос у кандидата был напряженный. Пригоршня и сам нервничал, а в такой ситуации хорошо пожрать – самое оно, сразу примиряет с жестокой действительностью, поэтому прежде чем ответить, он поставил на стол поднос с едой, которую притащил из кухни, сел в кресло, взял бутерброд и только тогда сказал:

– Ага, здесь я. Уже успел внизу побывать, спустился по веревке.

– Отлично! И что внизу?

– Заперто там, вот что. Ворота... вообще никак, нереально пробиться. Еще есть дверь мастерской возле депо, в ней замок, но ключа нет. Сталь на двери – о-го-го, а замочная скважина такая узкая, вроде и не для ключа. Кабинет Шульца я уже обыскивал, стол, шкафы – тут тоже никаких ключей нет.

Разделавшись с бутербродом, Пригоршня выпил минералки. Схватил второй кусман хлеба, макнул его в открытую рыбную консерву, сверху положил несколько сардин и снова принялся жевать.

– Какие-то проблемы были? – продолжал выпрашивать Химик.

– На спуске – никаких. Но внизу...

– Можешь не чавкать?

Ишь ты! Пригоршня еще ночью понял, что в партнеры по несчастью ему достался интеллигент. Вообще, он ко всяким таким типам интеллектуальных профессий относился снисходительно. Если природа не дала мужику силы и жизненного задора – пусть будет хотя бы умником, все же какая-то польза.

– Ладно, не чавкаю, – дожевав бутерброд, он вытер руки о нижнюю часть столешницы и откинулся в кресле.

– Так что случилось внизу?

– Да там... Когда я слез и пару минут покрутился, туман из Зоны вдруг подтянулся к самой стене, резко так. И в нем появился какой-то мужик. Не разобрать, кто. Одет непривычно. Высокий, в шляпе. В руках огнестрел с коротким стволом. Остановился – и смотрит. А еще у меня в голове зашептались, такое уже было, когда вчера очнулся. И страшно стало. Как оно называется, нам доктор в больничке рассказывал, когда я с ранением лежал... Паническая атака, ага?

– Есть такое, хотя в твоём случае это была не она, по-моему.

– Ладно, я полез назад, и, когда выглянул сверху, – уже ни тумана, ни мужика. То ли он ушел, то ли мне все это померещилось. Зона морочила.

– Она может, – согласился Химик. – В Зоне иногда подобное случается: пропадают люди, предметы, дома или целые участки. Или, наоборот, находят... тела, в общем.

– Чьи тела?

– Неизвестно чьи. То есть людей, но странно одетых. Иногда – растерзанные. И еще, помнишь, я говорил о радиоприёмнике? Он у меня теперь постоянно с собой, примотал его к костылю и то и дело кручу, это же единственная связь с внешним миром. Так вот, вчера в эфире я слышал странные помехи. Похожие на многоголосый шепот. Утром сегодня их уже не было, но недавно они опять вспыхнули. Даже громче, чем вчера. На пару минут, и смолкли.

– Хочешь сказать, я эти же помехи слышал в своей голове, когда увидел того мужика?

– Помехи – отголоски аномального излучения из Полесья, – уверенно объявил Химик. – И то, что ты их слышал в голове, на самом деле очень странно. Я вот например ничего такого... Ну, хорошо, то есть ты не можешь проникнуть в депо?

– Пока не знаю как. Надо думать.

Они замолчали. Пригоршня воспользовался паузой, чтобы срубить еще бутерброд с парой огурцов и выпить минералки. Когда добулькивал остатки, Химик спросил:

– Ты проверил все помещения, куда имеешь сейчас доступ? Тебе надо найти что-то такое, что поможет попасть в вашу оружейку и, еще важнее, в депо. Сколько времени... ого, уже почти восемь. Пригоршня, друг, нам спешить надо!

– Почему спешить? – спросил Пригоршня. – Куда ты спешишь, а, друг Химик? Что ты мне до сих пор не рассказал?

– Есть кое-что... – собеседник вдруг охнул, потом тихо застонал.

– Эй, эй, что там у тебя? – забеспокоился Пригоршня. – Кандидат, а ну отвечай! Что случилось?

– Прихватило, – слабо ответил Химик. – Нога, в смысле, как-то вдруг резко... Погоди, приму обезболивающее.

– Тебе лежать надо.

– Так я и лежу. Тут возле стола навалил гору матрасов.

– В палате лежать. И чтоб грудастая медсестричка тебе бульон подливала.

Донеслось шуршание, тихое звяканье. Пока Химик занимался собой, Пригоршня быстро отнес поднос в кухню и вернулся, на ходу соображая, как вскрыть двери оружейки. Что хочет Химик – его дело, у Пригоршни своя цель: деньги в железном чемоданчике и голубая мечта, которую с их помощью можно воплотить в жизнь. И хаос вокруг Зоны ему даже на руку. Он доберется до тайника в поезде и тихо свалит за Периметр. Пока тут все успокоится, пока разные службы заработают... он будет уже далеко. Будет наслаждаться солеными брызгами и ярким солнцем. Одно непонятно: на что там Химик намекал вчера, прежде чем они отправились спать, что-то он говорил про экспедицию Кауфмана и связанную с ней проблему. Напрямую спрашивать не хочется, чтоб не вызывать подозрений – пусть кандидат сам расскажет.

– Все, я в норме, – сказал Химик. – Если, конечно, это можно так назвать.

Пригоршня снова уселся в кресло и ответил:

– Думал тут, что такого видел в южном крыле, что могло бы помочь. И ничего не надумал. Вот разве что... – он замолчал.

– Что?

– Да нет, оно к замкам с дверями не имеет отношения.

– Ладно, говори уже.

– Шкатулка, – пояснил Пригоршня. – Ну или коробочка. Железный ящик. Не знаю, как назвать. Он лежит у Шульца в сейфе. Там наверняка его бутылка виски стояла, поэтому сейф и был открыт, когда я вошел.

– Ящик... – повторил Химик разочарованно.

– Я и говорю: это нам не поможет. Хотя ящичек немного необычный, вернее, необычный металл. С изумрудными, как бы сказать... жилками. Такими, будто светящимися. Та плита, что перекрыла тамбур, состоит из чего-то похожего. Я только поэтому и запомнил, что...

– Это же титанит.

– Чего?

– Титанит! Пригоршня, ты какой-то простой! Титанит – материал, которым покрыты защитные экраны Периметра, та плита в бункере, стены у нас в хранилище артефактов.

– И что это значит?

– Достань шкатулку и пойдем.

Пригоршня так и сделал, поставил ее на стол между собой и интеркомом. Сдвинул плоскую крышку.

– Заперта? – спросил Химик.

– Не-а, я открыл уже.

Дно выстилала плотная ткань с двумя углублениями. В одном лежал прозрачный шприц с пластиковым конусом вместо иглки, а в другом – непонятная штуковинка, вроде сгустка смолы размером с детский ноготь. Из сгустка торчали короткие тонкие иголки.

– Опиши, что внутри.

– Сейчас, погоди. Оно... короче, странное!

Сгусток едва заметно шевелился, будто внутри него что-то перекачивалось. Этакая смоляная амеба с двумя жалами. Жала торчали в одну сторону, примерно на сантиметр, расстояние между ними было миллиметра три. Пригоршня вытянул палец, но коснуться не рискнул. Вокруг сгустка расплывалось темное пятно, будто клякса вокруг капли чернил, упавшей в воду. Пятно было... но в то же время его не было. Непривычные мысли с трудом ворочались в голове. Это – излучение. Аномальное излучение, которое он видит невооруженным глазом. И не только видит. Пригоршня вдруг подумал, что может на него как бы, ну... повлиять, что ли. Неожиданная мысль. Повлиять... как, почему? Он и сам не знал, но чувствовал, что может *двигать* излучение. Не в том смысле, что пальцем в него ткнуть, а как-то иначе... Да что за чепуха в голову лезет?! Он потер лоб и сказал:

– В общем, здесь лежит пластиковый шприц. И еще такая мелкая черная хрендюлина, из которой торчат две иглки. Короткие. Я лично вообще без понятия, что это, но ты, наверное, знаешь.

Химик молчал. Пригоршня, выждав немного, снова заговорил:

– Ну, так что? Раскрой мне глаза, что за зловещую ерунду я нашел.

Из динамика донеслось тихо:

– Погоди.

– Что? – насторожился он.

– Молчи.

– Да что такое?! – прошептал Пригоршня. Голос в интеркоме выдавал испуг.

– Сюда кто-то идет. По коридору.

– Как?! Но там же никого...

– Где ствол? Я же брал с собой! Где он? – зачастил Химик звенящим шепотом. В динамике зашуршало, потом стукнуло. – Есть! Что это такое... ДА ОТКУДА ОНИ ЗДЕСЬ?!

Донесся низкий протяжный звук – не рык, его точно издал не зверь, но и не человеческий крик, а что-то вообще непонятное. И потом – выстрелы. Три подряд, за ними, с секундной паузой, четвертый. И вскрик. Шелест, стук шагов... или костыля по полу? Звук удара – и опять два выстрела, но уже тише, как будто стреляли из дверного проема или даже в коридоре. Громко стукнула дверь и наступила тишина. Пригоршня застыл в кресле, сдавив подлокотники, бессмысленно таращась на интерком.

– Химик! – шепотом позвал он. – Химик, эй! Химик! Ответь!
Ответа не было.

Глава четвертая

Пригоршня достал магазины из всех пистолетов, кроме одного, который вместе с «СПС» из сейфа Шульца сунул в две кобуры на пояском ремне. Запасные магазины рассовал по карманам, а на ремень еще повесил нож. Проверил ведущий на стрелковую галерею люк – заперт изнутри; проверил дверь внизу лестницы – заперта снаружи, из депо.

Зайдя в кабинет, послушал интерком, негромко позвал: «Химик!» – тот молчал. Пригоршня вышел в коридор, но тут из динамика что-то донеслось, совсем тихо, и он метнулся обратно. Замер, вслушиваясь. По комнате – той, откуда с ним говорил Химик – кто-то ходил. Или что-то. Вроде, оно дышало, но ни зверь, ни человек так не дышат: вибрирующая горловая хрипотца с едва различимым свистом. Короткими такими посвистами, на вдохе и на выдохе. Когда ОНО прошло близко к динамику, Пригоршня различил шарканье, ну или что-то похожее. Потом легкий шорох, совсем слабый стук... ОНО то ли трогало мебель, то ли что-то сдвигало. Скрип, шуршание. Тишина.

Выпрямившись, Пригоршня отошел от стола. Что ему делать – затаиться и не издавать ни звука? Не надо неведомому врагу знать, что в южном крыле кто-то есть. Или побыстрее валить отсюда в Зону? Точно, пора валить! Что для этого нужно? Рюкзак, припасы в дорогу, хотя бы немного, и патроны к пистолетам. Побольше патронов. А еще, очень желательно, автомат.

Все инструменты находились внизу, в мастерской при депо, но в хозблоке на дальней полке он нашел старое долото и молоток. Против ворот внизу это все, как зубочистка против танка, зато дверь оружейки, раз уж магнитный замок деактивирован... Надо попробовать.

Он опустился на колени, приставил долото к замочной скважине под стальной ручкой и принялся бить. Размеренно, сильно, будто кузнец, кующий клинок. Потом все быстрее, со злостью, исступленно, а затем, успокоившись, снова размеренно. ГРУХХ! ГРУХХ! – разносилось по коридору, по всему южному крылу.

Плечо заныло, Пригоршня прошелся по коридору, поворачивая руками и вернулся к двери. Минут через десять в замке треснуло, хрустнуло. Он рванул качнувшуюся дверь на себя – есть!

Двери в оружейках всегда как минимум двойные: помимо внешней, стальной, обязательно должна быть еще одна – решетчатая. Так положено. Пригоршня уже приготовился к тому, что в ближайшие полчаса будет долбить второй замок, но обнаружил, что дверь-решетка сдвинута в сторону на колесиках. Это почему так? Сбой из-за выброса, и автоматика случайно сработала? В одном месте вообще все отключилось, в тамбуре плита упала, а тут – вторая дверь сама раскрылась? Ну, хорошо, раз так.

Фонарик висел на ремне, Пригоршня отстегнул его и включил. Обвел комнату лучом. Боковые, не капитальные стены были закрыты стальными прутьями от пола до потолка, на вентиляции тоже решетка.

В углу стояла пирамида на пятнадцать ячеек, пять заняты «Вихрями», малогабаритными автоматами новой модели СУ-3Г. Глушители, складывающиеся вбок приклады и магазины на тридцать шесть патронов. Магазины – снаряженные и пустые – лежали в ящиках тумбы, и там же было четыре цинка с бронебойными патронами СП-8, дырявящими вполне серьезные броники.

Вот, уже дело! Пригоршня взял один «Вихрь», вставил полный магазин, поднял, целясь в стену, сдвинул флажковый предохранитель, потом вернул его на место и набросил на плечо ремень автомата.

Ган-порно, так это называл Витя. Он невесело усмехнулся. Да уж, похоже. Это когда у настоящего мужика при виде развешенного на стене или стоящего в пирамиде оружия глаза начинают сверкать, в груди становится горячо, а рука сама собой возбужденно тянется

к стволу... не к тому, что в штанах, а к огнестрелу. Пригоршня к оружию относился положительно, но настоящим почитателем все же не был. Ну, не тащился он от всяких смертоубийственных механизмов, для него они были просто рабочими инструментами.

На полке в деревянной подставке стояли десять пистолетов «Грач» – такой же был у Пригоршни – лежали магазины, на восемнадцать патронов, поблескивали цинки с боеприпасом. Дальше были два шкафа, один – нормальный железный ящик, а второй напоминал цилиндр со сдвижной выпуклой дверцей. В первом обнаружилось несколько ножей в чехлах, десять пар специальных армейских перчаток, разгрузки.

Пригоршня выглянул в коридор проверить, не объявился ли там какой-то монстр, на ходу доглядывающий косточки несчастного Химика, и вернулся к шкафу-цилиндру. На дверце не было ручек или каких-то отверстий. Что ж там внутри? Ее, наверное, можно просто сдвинуть... так и есть. Открылась небольшая камера с единственной полкой и углублением-гнездом в центре. В нем, прикладом кверху, стояло короткое черное ружье.

Он задрал брови, рассматривая незнакомую машинку. Из чего она состоит вообще? Будто каменная или пластиковая, раскрашенная под черный камень. Гладкая, текучие линии, ни одного острого угла, корпус цельный, словно отлит, а не составлен из различных частей. Широкий кожаный ремешок пристегнут к двум скобам, изогнутый приклад плавно переходит в то, что у обычной винтовки называется ствольной коробкой, дальше короткий ствол овального сечения. Пригоршня достал оружие из гнезда. Неожиданно легкое. В руках лежит... приятно. Ремешок мягкий, бледно-рыжего цвета. И чем эта штукавина стреляет? Ничего похожего на приемник для магазина не видно.

На конце ствола было овальное отверстие, забранное решеткой из того же непонятного материала, что и все остальное. Причем решетка не вмонтирована в ствол, такое впечатление, что она вместе с корпусом выдута из черного стекла. Кстати, и скобы для ремешка такие же. Черт знает что! Пригоршня вышел в коридор, задумчиво оглядел его и шагнул в кабинет зам-потыла, изучая винтовку. Вот тут... да, рычажок – короткая выгнутая штукавина, единственный выступ на гладкой поверхности. А, нет, есть второй: спусковой крючок, тоже непривычной формы, тонкий и длинный, плавно изогнутый.

Когда он сдвинул рычажок, оружие тихо загудело, и по крошечным отверстиям, идущим, как оказалось, поверху ствола, побежала череда алых огоньков – все быстрее и ярче. Он направил винтовку на шкаф с сейфом. Вдавил вогнутый спусковой крючок. Ход у того был тугой, пришлось заметно напрячь палец.

Огоньки на стволе погасли, гудение смолкло, а из ствола в шкаф ударил луч дрожащего марева. Такое бывает летом над разогретой крышей или над асфальтом в жару. Отдачи не последовало, но тело привычно ждало ее, и Пригоршня качнулся вперед, переступив с ноги на ногу.

Шкаф, куда уперся луч, треснул и смялся, дверцу вбило внутрь, а боковые стенки раскорячило. Пригоршня в испуге отпустил крючок, и тот сам собой медленно вернулся обратно. Луч искажения исчез.

– Ух, мать... – прошептал он.

– Что ты сделал? – донеслось из интеркома, и он подскочил, чуть не заорав с перепугу. Это было даже неожиданнее, чем то, что винтовка сделала со шкафом!

– Химик! – сипло выдохнул он. – Чтоб тебя разорвало! Чтоб тебя смяло, как вот шкаф этот! Ты живой! Предупреждать надо!

– О том, что живой? – уточнил Химик.

– Что у тебя произошло?!

– Тише ты. Напали на меня.

Алые огоньки снова забежали по стволу, в корпусе загудело. Пригоршня передвинул рычажок-предохранитель обратно. Гудение смолкло, огоньки погасли. На ослабших ногах он прошел к креслу, сел, поставил ружье между колен стволом книзу и спросил негромко:

– Почему тише?

– Они где-то здесь. Я заперся, но не хочу, чтобы услышали и вернулись.

– Кто – они? Я думал, тебе конец! Думал, опять один остался! Что случилось, рассказывай!

Химик придвинулся ближе к микрофону и зашептал:

– Это измененные. Их тут шестеро... было. Кто такие измененные, знаешь?

– Вроде так называют зомбаков?

– Никаких зомбаков нету. Измененные – живые люди. В определенной конфигурации излучение Зоны гасит работу неокортекса...

Пригоршня, подняв руку ладонью вперед, перебил:

– Знаешь, что я сейчас тебе скажу?

Химик помолчал.

– Пошлешь меня подальше. Потому что ты не знаешь, что такое неокортекс, и вообще раздражен.

– Смекалистый. Яснее говори, интеллигент хренов!

– Пригоршня, интеллект – это не порок, а подспорье в жизни, – назидательно прошептал Химик. – Ладно, слушай: у нас в мозгу есть три области. Мозг рептилии, самый древний, мозг млекопитающего – чуть современнее, и кора, то есть неокортекс. Он появился относительно недавно, благодаря нему мы... люди. То есть, можем мыслить рационально. А в тех двух областях сидят самые базовые эмоции и все основные инстинкты. Это если сильно упрощать. Так вот, излучение выжигает неокортекс, управление переходит к более древним отделам мозга. Измененные – вполне живые, а не зомби, никаких этих дыр в головах и сгнивших лиц. Но они не умеют за собой следить, грязные, воняют. Еще у них надпочечники, чуть что, гонят волну адреналина, поэтому они агрессивные, сильные и быстрые. Мы ведь тоже, если стресс, можем горы свернуть, правильно? А у них, считай, вся жизнь – один яростный бессмысленный стресс. От этого и от своего образа жизни они очень быстро изнашиваются идохнут. Но пока живы... Опасные сволочи. И еще они каннибалы. Хотя измененные – уже не люди, на мой взгляд, поэтому пожирание людей для них как бы и не каннибализм. Все понял?

– Я все понял, – ответил Пригоршня. – Я только не понял, какого черта эти твои измененные зомбари делают в Комплексе?

– Они сидели в клетках. Их биологи в лаборатории исследовали.

– А! И на клетках – магнитные замки?

– Вот именно. Главное, я ж туда заглядывал, видел, что измененные валяются вповалку. Уже когда я сам давно очнулся – они лежали неподвижно, понимаешь? Была полная уверенность, что мертвы. А получается, это просто их выброс надолго оглушил. Если бы не нога, я бы тогда вошел в клетки, проверил тщательнее, но мне было не до того. Вижу – не шевелятся, как и все люди в моем крыле. Значит, умерли. А они оклемались под утро и вышли, потому что замки были деактивированы.

– И что ж ты, все шестерых завалил? – уважительно спросил Пригоршня.

– Трех, – поправил Химик. – Первого в комнате, второго в коридоре, третьего чуть позже, выследил в вольере. А где еще трое, не знаю. Где-то бродят. Поэтому я теперь нервный и весь обвешан стволами.

– Вот и у меня новый ствол, – похвастался Пригоршня, пристукнув винтовкой по полу. – Я таки оружейку раскупорил. Там по большей части обычные «Вихри» да «Грачи», но еще нашел... сам не знаю что. Стреляет оно не пойми чем. Прозрачным лучом таким. По шкафу вот выстрелил – в гармошку.

– Пригоршня, – вздохнул Химик, – к новому оружию надо сначала примериться.

– Так вот я и примерился об шкаф. Не учи копченого, господин ученый. Чаще твоего со стволами дело имел.

– С этим – не имел. Это силовик. Силовая винтовка. Она работает от артефакта, так называемой «пустышки», там используется заряженные «пустышки» и вместе с ними...

– Ах ты ж! – Пригоршня отпрянул от ружья в своих руках и чуть его не выпустил. – Хочешь сказать, там в корпусе спрятан арт из Зоны?!

– Вернее, две половинки. Мы не знаем как, но «пустышка» внутри разделена на части. Они генерируют когерентное излучение, пучок резонирующих высокоэнергетических частиц... Э, ладно. Я, честно, ни разу не стрелял из силовика и почти не имел с ними дела.

– Да он же облучает, наверное, артефакт этот!

– «Пустышка» не радиоактивна, даже заряженная. Я слышал, там такая схема: когда сдвигаешь предохранитель, происходит то, что в лаборатории называли «первичным накоплением резонанса». Чем больше пауза перед выстрелом – тем сильнее будет энергия пучка при соскоке в более низкое энергетическое состояние. Это как бы всплеск такой, вроде направленного выброса...

– погоди! – перебил Пригоршня. – Что ты сказал? «Мы не знаем как»? Так ствол не в твоей лаборатории склепали?

– Нет-нет, что ты. Это чужая технология.

– Что значит – чужая? Чья – чужая?

– Да не знаем мы. Эту штуку нашли в Зоне. Говорят, есть еще несколько таких, у разных людей. Кто их сделал, неизвестно. Мы заполучили две, первую исследовали, распилили на части. А вторая попала в Комплекс только что, ее поместили в оружейную вашего крыла. Дальше нужно было оформить документы, и ее бы отправили к нам. Это же не просто так – притащили патрульные из Зоны подобный девайс, и сразу в лабораторию. Есть целая процедура, все по инструкции.

– Ладно, ладно, – сказал Пригоршня. – А если его пять минут подержать, то есть включить и не стрелять? Или десять? Оно что тогда, может стену разнести? Или ту плиту, что бункер перекрыла?

– А может, взорвется от перегрузки? – предположил Химик. – Хотя вряд ли, там, наверное, предусмотрен предохранитель. И насчет несущей стены с плитой я тоже не уверен. Вот взломать с помощью силовика дверь мастерской внизу... А, Пригоршня? Как тебе идея?

– Не знаю, может, и получится. Для начала надо понять, где бродят оставшиеся зомбари.

– Да говорю ж, не зомби это...

– Стоп! – Пригоршня вскочил, схватив силовик и вслушиваясь.

– Что? – прошептал Химик.

– Я, вроде, услышал что-то. погоди-ка...

– Откуда слышал?

– Из коридора, тут больше неоткуда. Но это ж не могут быть твои измененные зомби, а? Как им сюда попасть, в мое крыло? Надо проверить!

Он пошел к раскрытой двери, вжав приклад в плечо и выставив вперед ствол.

– Пригоршня, а та шкатулка, что ты нашел в сейфе, в порядке? – зашептал вслед Химик. – Ящичек из титанита? Я же знаю, что в нем. Мы можем это использовать...

– погоди ты! – прошептал в ответ Пригоршня и резко подался вперед, выставив ствол за угол. Там никого не было. Зато звук стал отчетливей: вроде что-то скреблось, а еще стучало. И доносились все это... Доносилось... Оно доносилось из оружейки, дверь которой он не закрыл!

Ничего не понимая – это состояние для него в последние сутки стало типичным, что не радовало – Пригоршня поспешил вдоль стены коридора. Какого черта, что может шуметь в той комнате? Местный домовый буянит?

Возле проема остановился. Заглянул. Фонарик он забыл в кабинете, но красные лампочки в шкафу-цилиндре по-прежнему горели, правда, свет от них слабый, но хоть какой-то. Что там? Точно: скребут, а еще стучат. Стук медленный, ритмичный и какой-то механический.

Сдвинув предохранитель, он шагнул в комнату, повел стволом из стороны в сторону. Ничего подозрительного не увидел и сделал еще шаг. Звуки раздавались совсем близко, источник был прямо перед ним. Доносились они будто из пустого воздуха посреди комнаты. Пригоршня сделал третий шаг и подумал, что источник не впереди, а левее и, похоже, сверху... То есть выше его головы...

Там что-то шевельнулось, и он дернулся, поворачиваясь. Ствол силовой винтовки поднялся.

Из-за перекрывавшей вентиляцию решетки на него глядело молодое бледное лицо с тусклыми глазами. Пустыми, дикими.

Изнутри к решетке протянулась тощая рука, грязные пальцы с обломанными ногтями заскребли по металлу, потом зомбак подался вперед и стукнул в прутья лбом. Через пару секунд – еще раз. И еще. С хриплым горловым клокотанием втянул в себя воздух, издав короткий свист, выдохнул. Опять стукнул. Глаза, в которых не было и тени мысли, пялились на Пригоршню.

Осознав, что все это время алые огоньки бегут, ускоряясь, по стволу, а блестящая черная винтовка в руках уже не просто гудит, но мелко вибрирует, он вдавил спусковой крючок.

На этот раз лаг перед выстрелом был раза в два дольше, чем когда Пригоршня стрелял в шкаф. Силовой луч вколотил решетку внутрь вентиляции. Прутья сломало и погнуло с раздирающим скрежетом, голову юного зомбаря смяло. Вроде, по вареному яйцу в скорлупе вмазали молотком. Пригоршня даже отскочил, испугавшись, что на него брызнет из вентиляции, но нет – не брызнуло, только закапало. Темная густая жижа.

Он перекинул обратно предохранитель, повесил силовик на плечо и подумал о том, что, возможно, только что пробил себе путь в северное крыло.

* * *

– Как ты сказал? В ухо? – Пригоршня поднес к лицу пластиковый шприц, в прозрачном наконечнике которого было заключено облачко плотной черноты. Две иглы зловеще торчали из отверстия в наконечнике. – А ты не загнул ли, кандидат? В ухо себе это вставить!

– Не в ухо, а в основание ушной раковины, снизу, за мочкой, – терпеливо повторил голос из интеркома.

– Под ухо себе эту зловещую штуковину воткнуть, да?

Химик вздохнул:

– Пригоршня... ты же боец? Воевал?

– Пехота.

– Смело воевал, пехота?

– Кругляш на грудь получил.

– Медаль, что ли? Ну вот. Ранения были?

– Дважды. Один раз серьезное, два месяца по госпиталям.

– И боишься теперь? Стыдно, Пригоршня.

– Потому что это не нормальная пуля или клинок, а какое-то аномальное паскудство из Зоны.

– Между прочим, я себе такое же, гм, паскудство, то есть второго «партнера», вколол двадцать минут назад.

– Извращенец. Вставляешь себе в тело всякую гадость и радуешься. Так, ладно, объясни мне еще раз насчет этих «партнеров».

– То, что ты держишь в шприце, является частью артефакта под названием «клякса». А два отделенных от «кляксы» сгустка называют «партнерами».

– Хорошо рассказываешь, продолжай. Я сразу все понял.

– «Клякса» – один из артефактов Зоны. Его создает аномалия «прорва», крайне редкая и опасная штука. Странные свойства у «кляксы» обнаружили давно, а теперь их научились использовать. Между двумя частицами, которые отделили от артефакта, остается связь.

– Половая?

– Ха-ха, молодец, пошутил. Природу связи не смогли выявить. Никакого излучения, не зафиксировали, хотя должны были бы. Самое современное оборудование использовали, самое тонкое... Ничего. Появилась даже идея, что «партнеры», связаны через подпространство. А результат у этого такой: если заставить один кусочек «кляксы» вибрировать, второй начинает вибрировать точно так же. И не только вибрация, любые изменения одного происходят и со вторым. Они как бы обмениваются сведениями, понимаешь?

– М-да... Нет, вообще, интересная штука, – согласился Пригоршня, приглядываясь к маленькой черной кляксе в шприце, вокруг которой, как и прежде, в воздухе расплывалось мутное темное пятнышко аномального излучения. – Но странная, просто ужас. Черт знает, что эта ваша Зона вытворяет.

Химик не стал возражать:

– Согласен. Зона вообще вся странная. Про этого конкретного «партнера» я в курсе потому, что когда мы поняли, как использовать их для связи, и худо-бедно освоили технологию, майор Титомир настоял, чтоб ему выделили пару «партнеров». Хотел организовать связь с начальником охраны вашего крыла, там капитан какой-то...

– Он в депо, скорее всего, мертв.

– Но тут заварилось дело с экспедицией, Цивик назначил майора ее охранять, и стало не до того. Вот «партнер» и хранился пока в сейфе зампотыла, а второй я сейчас нашел в кабинете Титомира.

– Нашел, значит, – повторил Пригоршня.

– Повторяю: я своего «партнера» уже себе ввел. И, как видишь, живой. Давай, не ломайся, как девчонка перед первым сексом. Очень неудобно, что наша коммуникация привязана к кабинету зампотыла. «Партнеры» решают эту проблему.

Пригоршня пощупал мочку левого уха, сунул палец за нее, в углублении ощутил хрящик под кожей. Поморщился – не хотелось ему делать то, что предлагал Химик. С другой стороны, он «кляксу» всегда может из своего черепа вытащить.

– А ты уверен, что не пролезешь через вентиляцию? – спросил Химик.

– Да уж не сомневайся, – Пригоршня поднес шприц к уху. – Зомбарь был тощий, как глиста, а я хлопец немаленький. Скажем честно: метр восемьдесят восемь. И он-то, видно было, еле протиснулся, ужом там полз, а мне – точно никак. Я по всем комнатам прошелся, вентиляция везде одинаковая.

– Типовая, – вздохнул Химик. – Ну, что ты там?..

– Я морально готовлюсь. Не нукай.

Он приставил шприц к месту, которое перед тем ощупывал пальцем, и вдавил клапан. Кольнуло, но не сильно, он думал, хуже будет. Тихо пшикнуло. Морщась, опустил шприц – наконечник был пустой. Химик сказал:

– Теперь лучше сядь. Ты там стоишь? Сядь.

– Почему? – Пригоршня сел. – Вроде все нормально.

– Может стать не очень нормально. Иголочки ведь у них органические. И они почти на сантиметр длиннее, чем кажутся, поэтому я тебе и говорил не прикасаться к ним и ничего не задевать. Просто концы у них почти что наноразмерные. После укола в иглах срабатывает заложенная программа, они вырастают, и тогда...

– Вырастают? – переспросил Пригоршня. – В черепуху мне врастают? А почему ты мне про это не сказал раньше?

– Потому что ты не захотел бы вкалывать себе «партнера».

– Да я его сейчас из себя вытащу!

Ему почудилось, что голос Химики дублируется вторым, таким же, но звучащим тише и как-то призрачно... и будто не снаружи, а где-то внутри, в голове.

– Что происходит... – начал он, но заткнулся, услышав слева шелест. То есть не слева от себя, а в левой части головы. Шелест сменило бульканье, скрип.

– Ну что, заработало?

Это донеслось не из интеркома – раздалось в левом ухе.

– Химик! – позвал Пригоршня.

– Я здесь.

– Так, стоп... – он потянулся к интеркому, нашел нужную кнопку и выключил его. – А сейчас ты меня слышишь?

– Ну да. Кстати, ты меня почти оглушаешь. Можешь говорить гораздо тише, только артикулировать... В общем, еще приспособимся, но пока просто говори тише.

– Это, значит, через черепную кость звук попадает на моего «партнера», а от него – к тебе.

– Да, и поэтому я могу слышать также внешние звуки. Вообще «партнер» – это биотехнология, иглы органические, а он сам... не пойми из чего. Иголки прорастут немного дальше и адаптируются. Самонастраются и начнут тоньше, чище снимать сигналы. Тогда тебе и мне достаточно будет только артикулировать, говорить почти про себя, едва шевеля губами. Если потренироваться, можно делать это так, что даже когда кто-то встанет рядом, он не поймет, что ты с кем-то общаешься. Голова кружится?

– Нет, – ответил Пригоршня, поднимаясь. – Ничего не кружится, только в ухе тянет. Ну и вообще необычно как-то. Ты теперь у меня в башке... Такое чувство, вроде меня подслушивают.

– Это пройдет. Хорошо, теперь ты при нормальном оружии и при связи. Готов снова спуститься к воротам депо и кое-что выслушать?

– Готов. Я всегда на все готов.

– К моему рассказу, боюсь, все же не готов. Давай еще раз наведемся вниз, а по дороге, раз уж мы теперь с тобой **партнеры**, я расскажу кое-что про Кауфмана и его экспедицию. Я ведь не просто так работаю в лаборатории. Я занимаюсь исследованием.

Глава пятая

– Дэ-Вэ-Эр, – по слогам повторил Пригоршня и стволом силовой винтовки толкнул дверь на лестничную площадку. Он держал горящий фонарик, а на плече висел снятый с предохранителя «Вихрь». Яркий луч светил прямо вперед. Голос у Пригоршни был спокойный-спокойный, как у мертвеца. Он сейчас почти все силы тратил на то, чтобы говорить спокойно, потому что Химик рассказывал просто невероятные вещи, от которых на лбу выступала испарина.

– *Дивизион Внутренних Расследований*, – повторил Химик. Место, откуда доносился его голос, немного сместилось, теперь он звучал в районе виска. – *Я, можно сказать, агент-внедренец. Делюсь с тобой секретной информацией потому, что положение безвыходное, мой помощник остался в Зоне с экспедицией Кауфмана. У меня нет других союзников. На самом деле, тебе не положено все это знать.*

– Так я и не хочу! – возмутился Пригоршня, пересекая лестничную площадку. – Зачем мне проблемы? Иди на фиг из моей головы! Я сейчас просто вытащу «партнера» и...

– *Нельзя, повредишь височную долю. Хочешь идиотом стать? Теперь его можно извлечь только специальным щупом.*

– А почему ты мне раньше не сказал, кандидат? То есть какой ты кандидат – агент!

– *Я действительно кандидат наук. После армии вышел в отставку сержантом, долго был на гражданке, пошел в науку. А когда появилась Зона, меня опять... позвали.*

– В шпионы позвали, ага, – Пригоршня взялся за колесо на техническом люке.

– *В агенты, Пригоршня, в агенты. Позвали потому, что командованию нужен был свой человек в Комплексе. Через Периметр идет подпольный трафик артефактов, понимаешь? Незаконный.*

Пригоршня сипло прокашлялся и сказал:

– Конечно, это все знают. Сталкеры торгуют.

– *Да. Есть законный вывоз «аномальных продуктов Зоны», как их называют в документации, а есть подпольный. Там крутятся сотни миллионов долларов. Знаешь, сколько за разные артефакты платят корпорации или спецслужбы других стран? В том числе и недружественных нам?*

Раскрывая люк, Пригоршня сглотнул. Спокойно, спокойно! Чертов агент не догадывается, что связался с человеком, который имеет прямое отношение к «подпольному трафику аномальных продуктов», как и не знает, для чего Пригоршне на самом деле нужно в Зону. Иначе не открывал бы ему эти тайны. С большой землей связи нет, нога сломана... сейчас Химик зависит от Пригоршни намного больше, чем тот от Химики. Главное, не выдать себя. Агент ведь только слышит его голос, а мысли читать не умеет, вот и думай теперь, что говоришь, брат Пригоршня, каждое слово фильтруй, каждую интонацию контролируй. Строй базар четко и выверено.

Голос в левом ухе продолжал:

– *Мы подозревали майора Роберта Титомира, начальника охраны КЗ, и подозрения подтвердились. У него в Комплексе есть сообщники, наверняка помогает один из механиков в депо и точно – люди с контрольно-пропускного пункта. Артефакты доставляются из экспедиций, их вывозят дальше и сбывают посредникам. Все давно налажено.*

– Но Титомир, вроде, сам не часто ездит с учеными на Станцию? – шагая по галерее, Пригоршня говорил растерянno, всюю изображая наивного простака.

– *А зачем ему? Охраной экспедиций обычно командует его первый помощник, капитан Ковач. Который, конечно, в доле.*

– А чего ж в этот раз майор сам поехал?

– *Вот тут мы и подходим к самому главному. Где ты сейчас?*

– Снаружи. Стою, жду, пока ты договоришь.

На середине галереи он остановился, подставил лицо прохладному ветру, дующему из Зоны. Надо прийти в себя, охладить мозги, а то они аж кипят от всех этих дел.

– *Значит, слушай. Некоторое время назад мы получили сведения, что в Зоне всплыл «доминатор».*

– Каким-то садо-мазо повеяло.

– *Пригоршня, я тебя прошу, не шути, тебе это идет, как корове борода. «Доминатор» – то ли артефакт, то ли девайс, точно до сих пор неизвестно. Можно сказать – легендарный предмет, найденный несколько лет назад странниками, единственным кланом, которому удалось глубоко войти в Петлю. «Доминатор» надолго исчезал, появлялся, снова пропадал... Недавно, спустя несколько лет, он возник у одного крупного скупищика по прозвищу Ведьмак. Дошли сведения, что Ведьмак договорился с кем-то о продаже «доминатора» на очень крупную сумму... И вдруг мы узнаем: это кто-то – майор Титомир!*

У Пригоршни даже ноги подкосились. Ух, не ждал он такого! Реальное чувство, будто заехали молотком в висок. В левый, тот самый, где звучал голос агента. Вот это поворот! Слова Химика означали, что деньги в железном чемоданчике майора Титомира – плата за «доминатор»! За нечто сверхценное, найденное этими непонятными странниками...

– И что дальше? – сипло спросил он и испугался, что голосом выдал себя. Потому что люди, не имеющие к происходящему отношения и ни в чем не замешанные, так не говорят.

От сердца отлегло, только когда Химик снова подал голос, и по интонации стало ясно, что он ничего не заподозрил:

– *Готовилась операция по перехвату курьеров, которые должны были повезти «доминатор» из Комплекса в городок неподалеку от Периметра, где дожидался представитель покупателя. Кто покупатель, не скажу. Очень серьезная зарубежная сила.*

Курьеров, значит. То есть, их с Виткой. Удивление, даже ужас от того, что ему рассказали, уже схлынули, он думал все более связно, последовательно. Сейчас на сто процентов ясно только одно: Химик про участие Пригоршни в деле не догадывается, иначе бы не рассказывал ничего. Надо вытащить из агента побольше информации.

– *После курьеров мы бы взяли Титомира с Ковачем и всю их шайку. Более того, была надежда выйти на еще более крупную персону, на патрона майора в ООН...*

– Цивик! – выдохнул Пригоршня. Слово вырвалось неожиданно для него самого.

– *Откуда знаешь?*

– Ничего я не знаю. Просто подумал: генерал сегодня быстренько так примчался в Комплекс. Прямо на «Бегемоте» прилетел, а раньше ведь только приезжал. И Цивик вроде куратор нашего КЗ, нет?

– *Да, так.*

– Ну вот. А сколько майор повез на Станцию денег?

– *Секретная информация.*

– Ты хочешь, чтоб я тебе помогал, или нет? – возмутился Пригоршня. – Тогда колись!

Химик, помолчав, ответил:

– *Вообще-то, если ты откажешься, я позже смогу устроить тебе большие неприятности.*

Пригоршня переступил с ноги на ногу.

– Да пошел ты на хрен, агент! Тёще своей неприятности устраивай! Я ваше ДВР имел в виду, причем в разных позах! Присяги я вам не давал, никаких бумажек не подписывал и ничем не обязан. Вот откуда мне знать, что ты тот, за кого себя выдаешь? Может, это провокация. Вдруг тебя вообще нет, у меня глюк после выброса, голоса в голове слышу. Шизофрения, как в фильме, эти... игры разума. У некоторых задница играет, а у меня – разум.

– Ладно, не злись. Майор повез в Зону пять миллионов долларов. С ним в отряде был мой помощник под видом рядового солдата, недавно переведенного в Комплекс.

Пригоршня зажмурился. В голове у него вроде даже заиграла какая-то торжественная музыка, а под веками загорелись праздничные огни. Захотелось переспросить Химика: *скока-скока?* Чтоб еще раз услышать эту цифру, прочувствовать ее, насладиться.

Титанические усилия воли понадобились, чтобы проговорить спокойно:

– Пять миллионов – большие деньги. Думаешь, майор их у себя в сейфе в кабинете держал?

– *Намекаешь, их ему сегодня Цивик привез?*

– Ну да. Поэтому прилетел так спешно...

– *Элементарно, да, Холмс?*

Пригоршне показалось, что Химик усмехнулся.

– В смысле?

– *Только что ты проделал неплохую аналитическую работу. Несложную, но точную.*

Не такой ты у нас простак, а?

Пригоршня, помолчав, сказал:

– Ты знал про Цивика?

– Ага. Мне были интересны твои умозаключения. Генерал с майором для переговоров в КЗ используют хранилище артефактов. Хорошо защищенное место... но я сумел поставить там жучок. Мы слышали их последний разговор. Интересный факт: курьеров, которые повезут «доминатор» покупателю, майор после этого собирался убить. Цивик сначала не соглашался, потому что пришлось бы подбирать новых людей, но Титомир настаивал: уничтожить их сразу после дела.

– Уничтожить... – повторил Пригоршня, чувствую могильный холодок в груди.

– Да. Майор хотел отправить их на следующий же день в Зону для патрулирования и уже договорился с бандитами, чтобы весь патрульный отряд «стерли», как он тогда выразился.

Пригоршня прищурился, сплюнул под ноги и сказал:

– То есть майор своих гасит, чтобы нагреть побольше денег?

За это дело Титомир обещал им с Витькой перевести оплату спустя три дня, говорил – деньги от покупателя тогда придут. А сам, значит, платить и не собирался... Пригоршня поставил сжатые кулаки на ограждение, ногти впились в ладони. Сука! Оборотень в погонах!

– И Титомир убедил Цивика? – процедил он сквозь зубы.

– Да. Только я не думаю, что это из-за денег, не так-то много они платили курьерам. Майор хотел убрать свидетелей, пусть даже они свои люди. Слишком серьезные силы во всем этом замешаны. Очень важная операция, очень ценная штука этот «доминатор».

– Так для чего он нужен?

Химик помедлил.

– Не знаю.

Врет, понял Пригоршня. Врет и не краснеет агент-ученый. Или, может, краснеет, но немножко.

– *А почему ты так напрягся? Из-за майора? У тебя голос злой стал.*

– Да я ж под его началом, – Пригоршня разжал кулаки, стараясь, говорить не злобно, а скорее возмущенно. – Он мой командир, военный человек, армеец... И вдруг я узнаю, что Титомир, во-первых, контрабандист, во-вторых – собирался своих же людей порешить руками бандюков. Кто бы он ни был, эти его курьеры... Да он теперь в моих глазах ничем не лучше бандита. Он и есть бандит! Вместе с генералом!

– *Понимаю твое возмущение. Ты честный парень, Пригоршня.*

Он криво улыбнулся, радуясь, что Химик его не видит, и повел плечами, ощущая непонятное смущение. Черт знает, даже как-то неудобно. Такое чувство, будто ребенка развёл на леденец или у голодного щенка забрал блюдце молока. Хотя это же ерунда – Химик ему никто, и вообще, он агент и враг. По крайней мере, совсем не друг. Им двоим совсем противоположное нужно: Пригоршне – заполучить пять лямов и слинять, а Химику – вернуть все это государству, на которое лично Пригоршне глубоко и искренне наплевать.

Голос в голове продолжал:

– *Преступников надо остановить, а профессора Кауфмана с его дочкой спасти, и поэтому я хочу, чтобы ты побыстрее отправился за ними на Станцию. Ты уже спустился к воротам?*

– Пока мы с тобой болтаем, я стою на месте и слушаю! – отрезал Пригоршня. – А теперь начинаю спускаться.

Он перебросил через ограждение привязанную к турели веревку, поплевал на ладони и выглянул вниз. Огромная туша Зоны раскинулась перед ним. Тумана не было, только вдаль виднелась синеватая дымка.

– Все, лезу, – заключил Пригоршня, но неожиданно уловил движение над собой и вскинул голову.

Прямо на него падала наголо обритая женщина. Зомбачка. Она вытянула руки, в левой была гнутая железка. Пригоршня отшатнулся, налетел спиной на ограждение. Не хватило времени ни на то, чтобы вскинуть силовик, ни чтобы подхватить висящий на боку «Вихрь». Измененная свалилась на галерею рядом, огрев его железякой по боку.

Это оказался крюк, и заточенный конец впился ему между ребер. Будто огромная оса вонзила туда жало, полное жгучего яда. Пригоршня вскрикнул. Раздался хруст – но не его ребер, а чужой ноги. Еще бы, чтобы с такой высоты прыгнуть, надо быть абсолютно тупой! Или измененной!

Женщина завизжала, стоя на коленях, выпустила крюк и вцепилась Пригоршне в плечо. Силы в ней было на удивление много, как и звериной свирепости. Рыча, она согнула руки, подтягиваясь к нему, попыталась вцепиться зубами в лицо. Прямо перед глазами оказался ее разинутый рот и гниющие зубы. Пригоршня вытянул из кармана кусачки, которыми обрабатывал проволоку на веревке, и всадил измененной в глаз. Потом схватил ее, вздернув на ноги, повалил на ограждение. Ребра его, между которыми повис крюк, скрипнули, обдав тело раскаленными волнами боли.

Измененная взвыла и еще крепче вцепилась в него. Кусачки торчали из глазницы, наполнившейся густой розовой жижей. Пригоршня придвинул ее к турели, нагнулся, отпихивая дальше от себя. Раздался щелчок, загудел «псих». Последнее усилие – и лицо измененной оказалось перед стволом.

Пулемет заработал.

Голова превратилась в подобие кометы: неясное темное ядро, за которым стелется черно-красный хвост из пуль, мгновенно улетающих кусочков черепной кости, мозгов, крови и всего того, из чего состоит человеческая голова. Выстрелы отбросили тело от галереи, Пригоршне осталось лишь подтолкнуть его.

До упора опустив ствол, «псих» продолжал стрелять. Дергающееся тело полетело по дуге, окутанное темным облаком крови. Оно упало, содрагаясь, вминаясь в землю. Над ним взлетало красное. Словно кто-то долбил отбойным молотком в ящик с помидорами.

«Псих» продолжал колошматить труп свинцом. Пригоршня взялся за торчащий между ребер крюк, сцепил зубы и вытащил из себя железо. Нижняя челюсть задрожала от боли, слезы выступили сами собой. Не очень глубокая рана – но болит адски! Потекла густая, темная кровь, быстро пропитывая рубаху с курткой. Бросив крюк, Пригоршня стащил с себя оружие, положил на ограждение и начал снимать куртку.

Когда, осторожно обмотав ею торс, уже завязывал узлом рукава, пулемет смолк. В механизме, спрятанном в каменной оgrade под турелью, что-то еще провернулось, проскрипело, ствол приподнялся, и «псих» замер. Тело зомбачки лежало посреди большой темной кляксы.

– *Пригоршня! Что там? Что у тебя происходит?!*

– Спокойно, Химик, – откликнулся он сипло, вешая силовик и автомат за спину так, чтоб ремни крест-накрест сошлись на груди. Медленно, неглубоко вдохнул. Рана откликнулась сильной болью, и выдыхал Пригоршня еще медленнее. – Зомбачка спрыгнула с крыши. Женщина. Ты не говорил, что у вас в клетках сидели бабы.

– *Одна была.*

– Точно – была. Теперь ее нет.

– *Так что с ней?*

– Остывает внизу.

– *Но почему пулемет заработал? Я почти оглох.*

– А уж я-то... – Пригоршня двумя руками ухватился за ограждение. – Швырнул ее с галереи, «псих» и включился. Получается, остался один зомбарь?

– Да, вожак.

– Какой еще... Ни про каких вожakov ты не говорил, – он произносил слова негромко и вообще очень старался соблюдать предельное спокойствие, потому что как только повышал голос – в боку отчаянно болело.

– *У них, как в стаях приматов, бывают вожаки, которых слушаются остальные. Это обычно те, у кого в неокортексе еще что-то теплится, выброс не до конца его сжест. Теплится совсем немного, но все же.*

– То есть, они умнее? Эта тоже не дура, кстати. У нее был крюк...

– *Так и обезьяны пользуются всякими палками. А вожаки – да, обычно хитрее других.*

Коварнее.

– И эта сучка бешеная своим крюком засадила мне между ребер. Но я спокоен. Я абсолютно спокоен!

– *Что? Крюком ударила? Только этого не хватало! Серьезная дыра?*

– Ну, так... – Пригоршня покосился вниз. – Не очень-то приятная.

– *Да что ж такое!* – возмутился Химик. – *Будто все против нас! Континиум повернулся к нам задницей!*

– Чего?

– *Я говорю... Так! Послушай меня, послушай внимательно!*

– Я слушаю, слушаю. Чего ты разволновался?

– *Я сейчас в лаборатории наладил работу одного прибора, и он мне тут показывает что-то необычное. Не уверен, это случайная флуктуация, плохая работа после выброса или... Сделай кое-что.*

– Ну?

– *Взгляни на юг, что там видишь?*

Пригоршня посмотрел.

– Зону вижу. И что? Зона как Зона, я ее уже видел.

– *Немного выше смотри.*

– Да куда ж выше? Выше ничего нет, только...

Он громко выругался.

– *Что?*

– Небо в той стороне темнеет. Над самым горизонтом наливается краснотой. Я не понял, снова выброс? – Пригоршня стукнул кулаком по ограждению. – Опять?! Ой, бля, сильнее болит, когда кричу! Так что – опять?! Ой, бля! Мне говорили, что они редкие!!! Бля, бля, бля!!!

– Все правильно, это очень нетипично. В Зоне происходит что-то непонятное. Аномальное.

– Все вы тут аномальные! Ой, бя!

– Тебе нужно спускаться прямо сейчас. Немедленно, Пригоршня!

– Жопа континуума! – только и сказал он. – Что будет, если меня накроет второй раз?

– В таком темпе даже иммунный вряд ли выдержит. Надо, чтобы хотя бы несколько суток прошло, а когда оно вот так подряд... Чревато кровоизлиянием в мозг. Инсульт – а это либо паралич, либо смерть.

Пригоршня молча полез на ограждение.

– Ты рану как-то закрыл?

– Закрыл... у меня уже куртка промокла насквозь. Так, все, теперь заткнись, агент. Не отвлекай, а то мне просто ужас как больно.

Внизу он едва не упал и, вконец ошалев от боли, с минуту стоял, упираясь в холодную бетонную стенку ладонями и лбом. Наконец, Химик осторожно спросил:

– Ты в порядке?

– Да! В случайном! – прохрипел Пригоршня и поковылял к двери мастерской. – Когда выброс будет здесь?

– Точно неизвестно.

Встав перед дверью и стянув со спины винтовку-силовик, Пригоршня оглянулся. Позади никого, только заросшая пожухлой травой земля, дальше – холмы, деревья, между ними исчезают идущие от Комплекса рельсы. Тишина, благодать. И над всем этим наливается тревожными красками небо, от горизонта расширяется полоса мглы.

Он попятился, но не сильно, чтоб не попасть в зону действия пулеметов, и поднял винтовку. Сдвинул предохранитель, оружие загудело, алые огоньки побежали по стволу.

– Так, я считаю секунды... Надо решить, сколько выждать. Дверь толстая, из стали.

– А какой был лаг перед выстрелом по измененному в вентиляции? Ты говорил, его тогда в блин раскатало?..

Направив силовик на ту часть двери, где виднелась узкая замочная скважина, Пригоршня ответил:

– Секунд, может, семь. Я тогда не засек.

– Ну, подожди четырнадцать. Нет, опасно, лучше десять. Не дольше.

Не успел Химик договорить, как Пригоршня выжал спусковой крючок.

Ему показалось, что в этот раз силовой луч был гуще, насыщеннее. Воздух вибрировал, оружие в руках сильно дрожало, отдаваясь болью в ребрах. Дверь мелко лязгала в косяке. Пригоршня, стоящий метрах в трех от нее, разглядел, как круглая ручка и замочная скважина размазались, потеряв четкие очертания. Там, куда упирался луч, на металле возник сероватый круг...

Потом накопленный заряд кончился, и луч исчез. Дверь стояла, как и раньше, хотя в области замка ее покорежило. Пригоршня оглянулся – полоса над горизонтом стала темнее.

– Второй заход, – сообщил он Химику. Его начало мутить и подташнивать от потери крови. Оружие в руках вибрировало, гудело, огоньки стремглав бежали по стволу. – В этот раз выжду четырнадцать секунд.

– Двенадцать, больше не надо. Опасно.

– Поглядим.

Прошло десять секунд. Он ждал. Сзади, вроде, потянуло ветерком. Теплым таким, Пригоршня ощутил его коротко остриженным затылком. Волна выброса гонит перед собой воздух?

Двенадцать секунд.

– Пригоршня, стреляй.

Или просто ветер из Зоны? Но почему теплый?

Четырнадцать секунд.

– *Ты стреляешь или нет?!*

Он молчал. По лбу потекла капля пота. Винтовка уже содрогалась в руках, даже целиться стало трудно. Огоньки превратились в сплошную мерцающую полосу. Шестнадцать секунд. Ну, с нами Зона! Он вдавил крючок.

В этот раз его все-таки качнуло назад – часть энергии передалась обратно на корпус винтовки. В ребрах полыхнул огонь. Палец сдвинул предохранитель обратно, а на двери впереди вспух дрожащий пузырь. Металл, вроде, и не раскалился, но вспучился полусферой. Дверь со скрежетом перекосило в раме, нижний правый угол отогнуло наружу, верхний левый – вовнутрь, одна петля с пронзительным визгом выскочила, блеснув металлом, ударилась в землю.

– *Что там?*

– Сейчас проверю, – Пригоршня подступил к двери.

– *Ты осторожно. В материале, особенно в металле, после силового воздействия может сохраниться остаточное напряжение. Оно потом обычно неожиданно высвобождается. И в неожиданную сторону. Если...*

– Ладно, не бухти в ухо. – Он ногой врезал по двери и чуть не свалился от мучительного приступа боли. Дверь со скрежетом вывалилась из косяка на пол мастерской. – Все, я ее поймел. Что теперь? Как мне заныкаться от выброса?

В мастерской, небольшом темном помещении с парой станков и стеллажами, на полу лежал мертвый техник. На стене висел металлический ящик, выкрашенный белым, с красным крестом на дверце. Стащив с себя оружие и положив его на стол, Пригоршня сбросил куртку и начал расстегивать рубашку. Голова сильно кружилась, в ушах звенело – так бывает перед обмороком. Только хлопнуться на пол посреди мастерской не хватало!

– Нашел аптечку, – сообщил он.

– *Хорошо. Это армейские, там должен быть промедол...*

– Тут не просто «промедол», а «промедол-плюс».

Сорвав обертку со шприц-ампулы, он вколол себе наркотик, а после заляпал рану между ребрами медицинским клеем. Натянув на торс эластичный бактерицидный рукав, надел рубаху. Расстелил на столе куртку и сгреб в нее все, что лежало в аптечке. В который раз перебросил через голову ремни оружия, куртку завязал узлом и выскочил из мастерской. Тут как раз и «промедол» начал действовать: боль отступила, и по контрасту его накрыло эйфорией. Будто зуб жутко ныл – и вдруг перестал, и чувствуешь себя на седьмом небе, мир сверкает, счастье входит в дом.

В депо, озаренном светом авариек, были еще два трупа: механик и капитан. Первый лежал поперек рельс, второй – возле дрезины, легкого вагончика с широкими проемами в бортах и покатой крышей. Он стоял в самом конце длинного помещения, где заканчивались идущие от ворот рельсы. Вокруг с кран-балок свисали цепи и тросы с крюками, на одном болтался выгнутый кусок металла.

– Что теперь? – спросил Пригоршня.

– *Попробуй запустить дрезину.*

– Зачем? Ворота закрыты, я же не смогу никуда...

– *Пригоршня, я в депо был десятки раз. Знаю, что говорю. Запусти дрезину!*

Внутри дрезины была железная лавка сзади, тумбочка-табуретка впереди, а перед ней пульт с кнопками и переключателями. Все грубое, угловатое, с виду неказистое... допотопная технология, будто из прошлого века. Есть надежда, что древняя электрика не подвержена излучению выброса. Бросив куртку с медикаментами на лавку, Пригоршня спросил:

– Как ее включать?

– Она аккумуляторная. Перекинь рычаг на пульте слева. Потом – красная кнопка над ним.

Когда он сделал это, дрезина дрогнула, под днищем зарокотало.

– Есть!

– *Хоть что-то хорошо. Сейчас я тебе все объясню, иди пока к воротам. Слева от них железный ящик, механики из депо называли его распределительной тумбой. Открой. Как там, кстати, в депо... все мертвы?*

– Все.

Тумба оказалась заперта на всякий замок, и Пригоршня помчался в мастерскую. Рану он больше вообще не чувствовал. Хорошо, что не тошнит, от «промедела» это бывает, а еще запор ему светит в ближайшее время.

Голос в ухе частил:

– *У ворот есть вспомогательный привод, тоже от аккумулятора. В тумбе перекинь тумблер, где написано «аварийный пуск». Потом сдвинь вниз полосатый красный рычаг справа. Они должны открыться.*

– Но зачем мне это? – найдя в мастерской фомку, Пригоршня понесся обратно. – Зачем двигаться навстречу выбросу? Я думал, в депо есть подвал, убежище от выброса, про которое я не знаю ...

– *В депо нет, а на Станции, куда уехал спецпоезд, есть. Тебе надо успеть туда.*

– Но ведь состав до нее часа три-четыре едет!

– *Он ползет на минимальной, так по инструкции. На дрезине ты разгонишься и домчишь гораздо быстрее. Пехота, хочешь жить? Тогда делай, что я говорю!*

Пригоршня рванул фомку с таким остервенением, что тонкая дужка замка лопнула, будто пластмассовая. Отбросил замок, распахнул дверку. Тумблер! Рычаг! Какая-то мысль тревожила его, свербила в мозжечке: что-то не так со всем этим планом. Что-то не то с ним. **ОЧЕНЬ СИЛЬНО НЕ ТО**. Но слишком быстро все стало происходить, и он не мог сообразить, в чем подвох.

В тумбе щелкнуло. Зарокотало в стене рядом с воротами, и створки медленно поползли вбок. Будто тяжелый, плотный занавес стал расходиться, открывая огромную сцену. И там, на сцене, была Зона. Зона, как она есть. Обнаженная Зона во всей ее смертной красе.

Зона под серым небом, где мигали всполохи близкого выброса.

* * *

Когда дрезина уже ехала к раскрывшимся воротам, Пригоршня наконец понял, в чем проблема, и гаркнул:

– «Психи»!

– *Что?*

– Три пулемета на галерее! Один из них точно работает, но может и остальные тоже! Они среагируют на движение!

Химик явно растерялся. Пригоршня хорошо представил себе, как лежа на своих матрасах, агент вытаращил глаза, не зная, что сказать.

Зато сам Пригоршня не растерялся, хотя в последнее время это с ним случалось часто. Не стал даже тормозить дрезину, благо, она пока особо не разогналась – бросил на пол силовик с «Вихрем», выскочил наружу и побежал к ремонтной раме.

– *Пригоршня, я не знаю, как тебе спастись от пулеметов.*

– Заткнись! Я знаю!

– *Но что ты собираешься...*

– Молчи, не отвлекай!

Химик прочувствовал момент, понял, что его реплики сейчас не ко времени, и замолчал, позволив Пригоршне самому разбираться с проблемой. Он и разбирался – подбежал к свисающему с кран-балки тросу, обхватил и приподнял крюк с гнутым куском металла, тот оказался гораздо тяжелее, чем Пригоршня думал, едва удалось снять его с крюка.

Развернувшись и едва не упав, он поковылял вслед за уезжающей дрезиной. Давай, шевели поршнями, пехота! Что там агент-кандидат вешал про адреналин? В критической ситуации он выплескивается по самые уши, силы удесятерятся! Пригоршня ускорился, широко расставленными руками прижимая громоздкую железку к груди. Что это за фиговина вообще? Смахивает на фрагмент крыла бронированного автомобиля. Неважно, металл толстый – это главное. Хотя у «психов» калибр какой? Будь здоров у них калибр! Да их же еще и три, и вот вопрос: есть ли области наложения у датчиков? Рельсы проходят по самой середине, центральный пулемет точно среагирует, как только дрезина немного отъедет от ворот, а как насчет боковых? Если они работают, и если все три вдарят... конец ему, ничего не спасет. Забьют в землю между шпал вместе с дрезиной по самую маковку!

От этой мысли сил прибавилось, и он в три шага догнал дрезину, которая как раз проезжала ворота. Ввалился в нее, ударившись коленом о край, упал, грохнул металлом о пол, встал на колени и повернулся. Отголосок боли от раны проник сквозь заслон, который наркотик выстроил вокруг сознания. Не хотелось даже думать о том, что будет, когда действие лекарства закончится.

Стало светлее – дрезина выкатилась из депо.

Лавка состояла из сваренных железных полос на ножках-прутьях. Снятый с крюка лист он положил сверху, потом до предела сдвинул вперед рукоятку движения на пульте, чтобы как можно быстрее миновать простреливаемый участок, и упал на пол. Зашвырнув под лавку сверток с лекарствами, силовик и автомат, закатился под нее сам. Улегся навзничь, ногами оттолкнув сверток в угол. Дрезина гудела, стучала колесами, набирая ход. Сейчас, сейчас...

– Пригоршня? – осторожно позвал Химик. – Э... Никита?

– Я притащил стальной лист, – пояснил он. – Положил на лавку и залез под нее. Еще вверху крыша. Хилая. А потом... только воздух. Как думаешь, поможет?

Ответить Химик не успел, а может, и успел, но Пригоршня ответа не услышал, потому что в этот момент заработал первый пулемет.

Глава шестая

Когда дрезина покинула зону обстрела, и «психи» заткнулись, он выбрался из-под лавки. Комплекс Заграждения № 1 остался позади. Дрезина разгонялась, все быстрее уползал назад облезлый, в темных пятнах и проплешинах, травяной ковер, деревьев становилось все больше, кустарник между ними – выше и гуще.

– *Ехать тебе около часа, я надеюсь, успеешь*, – произнес Химик. – *Хотя выброс может пойти в любой момент, как я говорил, это непредсказуемо.*

В голове Пригоршни медленно стихало грохочущее эхо выстрелов. Кряхтя, потирая темя и постанывая, он с трудом вытащил оружие из-под искореженной пулями лавки. Силовик повесил на кронштейн возле пульта, а ремешок автомата накинул на плечо. Лавка теперь напоминала произведение новаторского искусства, абстрактную скульптуру, созданную любителем тяжелых наркотиков.

– Ты мне скажи, по-твоему, люди из экспедиции мертвы или нет? – спросил он.

– *Не знаю. У них шлемы новейшей разработки, в таких, наверное, даже через Петлю можно пройти.*

– И что ты хочешь, чтоб я сделал, когда попаду на Станцию? Допустим, там одни мертвецы. Что дальше?

Химик помолчал, потом заговорил медленно:

– *Первое: найти чемодан с деньгами. Он в поезде, но где... Это должен был выяснить мой помощник, внедренный в отряд майора. Если он погиб, значит, ищи тайник сам.*

– Так на то это и тайник, чтобы оставаться тайным, – у Пригоршни прямо раздвоение личности началось, когда он это произносил, потому что на самом деле он знал, где тайник, его использовали и чтоб деньги в Зону провозить, и чтоб артефакты – в обратном направлении.

– *Я понимаю, но спецпоезд состоит из одного вагона, плюс электровоз. Не очень большое поле для поисков. Важнее другое: люди Ведьмака, которые должны были доставить на Станцию «доминатор», тоже могли погибнуть из-за выброса. Вообще, обитатели Зоны к нему привычнее, но этот был очень сильным и неожиданным. Если они успели спрятаться поглубже – выжили, если нет – погибли. Поэтому второй пункт: найти их. Живых или мертвых, они должны быть где-то на Станции или неподалеку. Добыть «доминатор». И третье: найти ученых. Кауфмана и его дочку, если они... если живы. И привести их назад, вместе с «доминатором» и деньгами.*

– Ученые – ладно, но получается, ты мне предлагаешь, если те сталкеры-курьеры все-таки живы, их всех завалить? Потому что по доброй воле они мне «доминатор» не отдадут.

– *Ты можешь арт у них купить, у тебя же будут деньги. Давай работать по плану, а? Пошаговая тактика. Первое: добраться до Станции и пересидеть выброс в убежище. Второе: найти деньги.*

Ага, вот именно, найти деньги. Пригоршня даже пошевелил пальцами, представляя хруст новеньких купюр. Или шелест стареньких – ему по фиг, лишь бы купюр было побольше! Да и от супер-артефакта он бы не отказался. Если Ведьмаку за него платят пять миллионов, значит на большой земле арт можно сбагрить миллионов за восемь. Да нет, каких восемь – десять, а то и пятнадцать. Пригоршня припомнил суммы, которые регулярно капали на его банковский счет после каждой сделки, когда он, отправляясь в увольнительную, доставлял «товар» посреднику недалеко от Периметра... Жалкие крохи в сравнении с тем, что нагревал на сделках майор. А тот зарабатывал лишь проценты от куша, что доставался генералу Цивику и, наверняка, нескольким другим важным дядям из ООН и правительства.

Витька на эту тему любил поболтать: мол, так всегда бывает, наверху финансово-пищевой пирамиды миллиарды долларов, сосредоточенные в руках единиц, потому что там, на вершине,

нет места для толпы. Вершина всегда маленькая, узенькая. И маячит далеко за облаками. А у ее основания – копейки, принадлежащие миллионам простаков и неудачников.

Через широкий проем в борту дрезины Пригоршня шагнул на подножку, высунулся и запрокинул голову, вдыхая полной грудью. Пахло травами, влажной землей, болотом и, едва уловимо, – озоном, будто неподалеку прошла гроза. Ветер, дующий из центра Зоны, где копилась энергия нового выброса, стал сильнее и теплее. Еще не горячий, еще не ураган, но если так будет продолжаться, то выброса ждать недолго. Дрезина, набрав ход, бодро стучала колесами, мимо проносились бугры с кустиками и одинокие деревья, все было желто-серым, блеклым.

– А Кауфман этот, ради которого якобы организована экспедиция, известный мужик, да? Профессор Артур Кауфман... Даже я про него слышал. Он, вроде, как-то связан с появлением Зоны? Может, он ее и создал?

– *Кауфман Зоны не создавал. Но он бывал в Полесье. То есть в городе, который теперь называют Блуждающим, и который считается центром Зоны. Артур вообще очень необычный человек с необычной судьбой. Его нашли вскоре после первого выброса, с амнезией. Он заново учился, заново вливался в социум, причем добился очень многого с поразительной скоростью. Недавно он закончил тестирование защитных шлемов новой модификации и поехал в эту экспедицию, чтобы испытать их. Профессора сопровождают только двое: его дочка и лаборант. Дочка, Ника, – помощница Кауфмана, а еще она вроде сталкера. То есть, много работала в Зоне, хотя и совсем молодая.*

– А Титомир, значит, использовал экспедицию как прикрытие, чтобы купить «доминатор». Пока ученые копаются со своими устройствами-приборами, хотел встретиться потихому со сталкерами. Ох, и хитрюга майор!

– *Он не просто хитрюга, Пригоршня. Титомир – очень жесткий, предельно собранный и целеустремленный человек. Мечтающий собрать сумму, необходимую для процедуры «экстремального омоложения». А стоит она почти десять миллионов долларов. Знаешь, как его называют в Зоне? Железный Майор. Это Титомир устроил большую зачистку год назад, когда погибло с полсотни сталкеров.*

Пригоршня слышал про зачистку, но подробностей не знал. Так это майор ее организовал? Серьезный мужик. Вполне реальный массовый убийца.

Туман почти рассеялся, хотя вдалеке все еще укрывал лес голубоватой дымкой. Было тихо, в меру тепло, солнце пряталось за светло-серыми облаками. Железнодорожная ветка впереди плавно загибалась, уходя за гряды поросших березами холмов. И тишина... Дрезина – островок звуков, плывущий через море тишины.

Поглядев на часы, Пригоршня сказал:

– Ветер крепчает. Прямо в морду дует, с юга. И на горизонте полоска совсем уже багровая. Хотя остальное небо чистое.

– *Это странно, кстати. Небо перед выбросом всегда темнеет целиком.*

Он повернулся. Дрезина теперь напоминала не вагончик, а какой-то, черт знает, «фольцваген-жук». За которым долго гнались и азартно долбили ему в задок из различных стволов. Стойки согнулись, корма смялась и ощерилась рваными краями дыр. И сотворили это с дрезиной два «психа» – третий, насколько он смог разобрать по звуку, так и не заработал.

Лежащий на остатках лавки стальной лист будто переболел оспой, в нем появилось множество глубоких щербин и несколько дыр. Если бы не лавка, дополнительно задержавшая пули, несколько из них достались бы Пригоршне. Он себя чувствовал просто каким-то Клинтом Иствудом, одиноким ковбоем, у которого на груди под рубахой спрятан лист металла, защита от бандитских пуль. Только шляпы широкополой не хватает. Эх, а ведь была же когда-то! Любимая вещь – он ее больше года таскал, не по уставу. А потом потерял во время боя.

Стена Периметра превратилась в едва различимую полоску и прямо на глазах у Пригоршня окончательно пропала. Комплекс тоже почти исчез в тумане, лишь смутное пятно маячило далеко позади. Когда Пригоршня сел на тумбочку возле пульта, Химик произнес:

– *Хотел спросить. Ты вскользь упомянул, тебя в КЗ отправили как бы в наказание. За что?*

– Да, вроде ссылки, с глаз подальше.

– *Так за что?*

Пригоршня помолчал, быстро размышляя. Агент ДВР не знает о его прошлом. А может узнать? Есть у него доступ в какой-нибудь архив, или еще куда-то, без связи с внешним миром? Придется идти ва-банк, исходя из того, что сведений по Пригоршне у Химика никаких нет. И лучше всего мешать правду с ложью.

– Я был в Таджикистане, когда там... Ты знаешь: революция, то есть бунт, правительственные войска и повстанцы. Или бандформирования, как хочешь называй. Ну, и помощь нашей доблестной армии... или оккупантов, смотря с какого боку глядеть. Вот, ну и я кое-что там сделал. Такое... не по уставу.

– *Что-нибудь, э... благородное? Отдал голодающим мирным жителям армейский провиант? Вывел семьи повстанцев из-под обстрела, а командование обвинило тебя в преступной мягкотелости?*

Пригоршня заерзал на тумбе, потрогал ребра.

– Слушай, я не хочу про это говорить. Это, типа, личное, а мы с тобой пока не настолько близко знакомы. Да я тебя вообще в глаза не видывал!

– *Скромничаешь, герой? Ты молодец. Что касается меня, то я мужчина среднего веса и роста. В меру симпатичный, не дурак. Сноб.*

– Сноп?

– *Сноб, значит, не очень люблю, как бы сказать... широкие народные массы. Ладно, не хочешь о себе – твое дело. Небо там как?*

– На юге темнеет. И краснеет.

– *А ты как? «Промедол» должен действовать пару-тройку часов.*

– Все зависит от раны и дозы. Я...

Он вскочил с тумбы, глядя в боковой проем. Недалеко от рельс под деревом стоял медведь. Не очень крупный, и с дырой на боку. То есть с раной – такой огромной и глубокой, что отчетливо виднелись ребра и что-то красно-розовое между ними. Медленно поворачивая косматую башку, медведь следил за дрезиной темными влажными глазами.

– Ни хрена себе зверь! – сказал Пригоршня.

– *Какой зверь?*

– Медведь там. Раненый.

– *Преследует?*

– Нет, просто стоит. Пялится.

Медведь вдруг встал на задние лапы. Передние поднял над головой и взревел. Хрипло, протяжно. Тоскливо. Дрезина катила дальше, дерево и зверь отдалялись, а протяжный рев все лился сзади, постепенно стихая. Железнодорожная ветка стала погибать, и он исчез из виду. Пригоршня снова сел, мотнул головой.

– О чем я говорил? Да, «промедола» вколол немного, чтобы блевать не тянуло и в голове совсем не помутилось. Химик, ты же был в том месте, где останавливается поезд? На Станции?

– *Неоднократно. Просто бывшая грузовая станция обычной железной дороги. Эта ветка – часть той дороги. Давно заброшенной, естественно.*

– Знаю. Но почему именно туда ездят из Комплекса?

– *Зону, в принципе, делят на три области. Это условно, конечно, четких границ нет. По периметру – Окраина, наименее опасная, ты сейчас на Окраине. Дальше участок, кото-*

рый называют Кольцо, ну или Серое Кольцо. С нашей стороны Станция – как бы пограничный пункт между Окраиной и Кольцом. А в самой глубине уже Петля, это центр, и где-то там находятся три озера и Полесье. Туда пройти почти невозможно: слишком опасные твари, а излучение выбросов сжигает мозги в любом укрытии. Летящие средства туда тоже не могут попасть, электроника выходит из строя, падают. Да и сама Петля... по сути, это сильное искривление континуума. Большая пространственная Петля Мебиуса, если ты о такой штуке слышал.

– Слышал, слышал, – проворчал Пригоршня. – Не в свинарнике родился. Петля Мебиуса – это лента бумаги перекрученная. Пальцем по одной стороне ведешь и...

– Ну, вроде того. Блуждающий город очутился внутри Петли Мебиуса, возникшей из-за первого выброса. Или наоборот – выброс и произошел потому, что образовалась Петля. Если говорить про топологию, то пространственная Петля Мебиуса, это такая удивительная вещь... В общем, идешь-идешь – и все время движешься как бы вдоль Петли, по одной ее стороне, а внутрь попасть не можешь.

– Ладно, так а научники почему именно на Станцию ездят?

– На участке Зоны от КЗ до Станции мало зверья, мало аномалий, почти нет бандитов и сталкеров. Но при этом здесь уже – условия Зоны, континуум искорежен, причинно-следственные связи сбоят. Поэтому на Станции сделали что-то вроде лаборатории: заезжают туда с приборами, материалами для опытов, проводят исследования и возвращаются. Все с собой забирают, и в перерывах между экспедициями там пусто, красть нечего, мародерничать нет смысла – потому никто и не забредает. Я слышал, сталкеры Станцию так и называют: Пустое место.

– Хорошо, это ясно. Где конкретно убежище от выбросов?

– На Станции есть двухэтажное здание, бывшее управление. Его сразу видно. На втором этаже ничего, а под первым, где проводили исследования, – глубокий подвал, это и есть убежище.

– А что мне делать, если Титомир со своими людьми выжил? Надо как-то... не знаю, внедряться к ним? Или...

Полыхнула темная вспышка, и все исчезло, словно мир выключили. В кабине и вокруг на секунду наступила непроглядная темень, а в сознании Пригоршни зашептались чужие голоса. Какие-то очертания проступили во мраке вокруг, слишком нечеткие, чтобы разглядеть. Боль сжала виски, он схватился за голову:

– Что такое?!

И тут же все закончилось – опять посветлело, и вокруг снова все та же Зона.

– У меня в приемнике вдруг такой всплеск... – удивился Химик.

– А у меня в башке, – потирая темя, Пригоршня внимательнее пригляделся к небу впереди. Полоса темноты над южной частью горизонта стала гуще и шире. – Мигнуло, ты видел?

– В помещении, где я сейчас, нет окон. Но мне тоже показалось, что вдруг все погасло на секунду.

– Хорошо тебе. Окон нет, не видишь ничего. Так, а теперь я что-то слышу!

Пригоршня привстал, выглядывая в проем по правому борту. Рельсы шли по невысокой насыпи, пересекающей болотистую местность с островками кустов.

– Что там?

– Да вроде... не пойму, послышалось что-то.

Снаружи ничего такого не было, и он повернулся к проему в другом борту. Там склон насыпи, и здесь склон, кусты и влажная поблескивающая земля... Он взялся за «Вихрь», и тут из-за кустов выпрыгнул темный силуэт.

– Ох ты! Волк? – вслух удивился Пригоршня. – Такой мохнатый? Или... Не пойму, что за зверюга? Вроде очень крупного псины.

– *Как точно выглядит?*

– Не знаю!

Он и вправду не мог понять. Это было нечто черное, размером с кавказскую овчарку. Свет вязнул в косматом теле, напоминавшем длинный клуб дыма. Как от горящих покрышек, только этот еще гуще, еще чернее, если такое возможно. Шея с крупной башкой, массивное тулово. Ноги, вроде мохнатых дымовых столбов, так и мелькают. А на спине висит... сумка, что ли? Кожаная штукovina с большими карманами, в них лежит поклажа. И еще сверток при-
торочен ремнями к спине. Существо длинными прыжками несло вдоль подножия насыпи вслед за дрезиной. Вокруг него пространство тусклоло, словно в небольшом пятне, повторяю-
щем очертания твари, стоял поздний вечер.

– *Что значит – не знаешь, как выглядит?*

– Оно будто из дыма. Нет, я вижу очертания, но... И еще вокруг него все тусклое!

– *Это как?* – совсем удивился Химик.

– Не знаю! Приходи сюда, вместе погадаем!

Дымный пес одним махом перескочил на середину склона, и Пригоршня высунулся в проем, шурясь. Ему почудилось, что стало темнее и прохладней, будто от пса веяло холо-
дом. Ну, точно, вокруг зверюги свет меркнет! А что будет, если она вплотную подступит, если набросится? Патроны вообще против нее помогут? Надо бы силовик взять, но неудобный он из-за этого лага перед выстрелом.

Зверь сделал еще один длинный прыжок и оказался совсем рядом с дрезиной. И все равно ничего не разобрать, только мрак в форме силуэта: объемный, перекатывающийся клубами мрак. Сзади полоскался хвост, от которого открывались черные клочья и таяли, извиваясь. Да он *дымит!* Дымит темнотой! Ни глаз, ни пасти не видно... Нет, пасть есть – вон, приоткрылась, мелькнуло красное. И белое – клыки. Пригоршне даже стало легче на душе. Значит, не совсем уж что-то мистическое, вон какой хавальник отстранил.

Зверь был напротив проема, руку протяни – и ухватишься за исходящий клочьями мрака загрибок. Решив, что сейчас адова тварь сиганет внутрь, Пригоршня вдавил спусковой крючок.

«Вихрь» плюнул пулями, но за миг до того пес затормозил, поджав задние лапы. При-
горшня высунулся дальше, повел за ним стволом, а зверь метнулся за дрезину, спрятавшись за кормой.

Развернувшись к ней, Пригоршня упал на одно колено и пустил несколько пуль через дыры, оставленные «психами». Дымный пес длинным прыжком, оставляя позади инверсион-
ный след из быстро тающего мрака, перемахнул на другой склон насыпи. Выругавшись, При-
горшня вскочил.

– *Ты чем занят?*

– В «ладушки-ладушки» играю! – выкрикнул Пригоршня возмущенно. – Стреляю я в него! А он выскакивает из-под пуль!

– *Хм... Может, он телепат?*

– Телепатия ненаучна!

– *Тебе откуда знать? Хотя да, не научна. Но он, может, не читает мысли, а как бы... воспринимает намерения, понимаешь? Предугадывает.*

Снова мигнула тьма, пришедшая с юга – стало черным-черно, весь мир исчез, словно Бог моргнул. У Пригоршни в голове плеснул шепот чужих голосов, виски сдавила боль, ей ото-
звалась другая боль, между ребрами. Он скрежетнул зубами, едва не выпав, ухватился за край проема. Показалось, что в наступившей непроглядной тьме проявились силуэты домов, улица между ними и в конце ее – приземистое здание с колоннами. Все это серое и похоже на аппли-
кацию, наклеенную на темный фон. В глубине здания чернело круглое пятно, будто зрачок – провал в никуда.

Через миг тьма ушла, и снова наступил осенний день. И дымный пес на склоне насыпи исчез.

– Он пропал! – Пригоршня даже глаза протер кулаками, хотя это был глупый жест из фильмов, в реале никто так не делает. – Твою ж мать, пропал! Будто стерло!

– *Вторая вспышка тьмы стерла?* – осторожно уточнил Химик.

– Да!

– *Хм. Дикость, конечно, но... Есть понятие квантовой телепортации. Только оно относится к субатомным размерностям, а не к макрообъектам. Если вспышки – следствие фазового перехода... скачков энергии вакуумного поля, стремящегося к состоянию с минимальной энергией...*

– Ты байки про фазовые переходы сталкерам у костра триви! Мне что делать? – Пригоршня метнулся к другому проему, выплянул, вернулся назад. – Его нигде нет! Он что, в любом месте может объявиться? Я вдруг сообразил: он же возник после такой же вспышки тьмы. Ну, первой.

– *То есть, по-твоему, вспышка была следствием его телепортации?*

– Типа того. Или наоборот.

– *Я буду откровенен: все это просто охренеть, как странно!* – высказал Химик.

– Короче, ты тоже ничего не понимаешь, агент, – Пригоршня сел на тумбу так, чтобы краем одного глаза видеть проем слева, а краем другого – справа. Осторожно положил ладонь на ребра. Там ныло все сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.